

Вампирея капитана Блада

Автор:

Андрей Белянин

Вампирея капитана Блада

Андрей Олегович Белянин

Что могло произойти, если бы капитан Блад не был столь идеален?

Если бы в те годы испанцы разбудили Древнее зло и вампиры заполонили весь Новый Свет?

Теперь никто не знает, какой корабль плывёт тебе навстречу, будь то голландский купец, военный британец, французский путешественник, – каждый может оказаться вампиром!

Возможно, никогда ещё пираты и вампиры не были так смешны...

«Вампирея капитана Блада» – вольный пересказ культовой книги Рафаэля Сабатини мастером юмористического фэнтези Андреем Беляниным.

Андрей Белянин

Вампирея капитана Блада

© Белянин А., текст, 2022

© ООО «Феникс», оформление, 2022

© Аджиев Б., обложка, 2022

© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии
Shutterstock.com, 2022

* * *

Посвящается Николаю Смыслову —

врачу, капитану и человеку...

Глава 1

ЗАСЛАНЕЦ

...Когда вампиры Нового Света, взяв на abordаж очередной корабль Вест-Индской торговой компании, подняли головы и завывали в высокие небеса, повернув морды к холодным вершинам далёких Анд, подавляющее большинство европейцев ещё и близко не могли оценить уровень надвигающейся на них опасности.

Даже когда жадные солдаты Писсаро и Кортеса в безумных поисках золота срывали печати со старинных замков, взрывали порохом проходы в замурованные пещеры, разбивали тайные могильные плиты, они также не ведали, какое Зло выпустят на свободу. Через пару десятков лет всё побережье Южной Америки запылало огнём пожарищ, а страшные человекоподобные твари слизывали, хохоча, горячую кровь с растерзанных жертв.

Люди довольно быстро вспомнили все проклятия древности, вооружились святой водой, железом и серебром, в неравном бою отстаивая собственные жизни. И на какое-то время им казалось, что вампирская угроза остановлена, но страшные создания ада сумели организовать, они стали умнее и хитрее, научились

обуздывать свой голод, терпеть солнечные лучи, применять все достижения науки и техники начала девятнадцатого века, но самое главное – им удалось заставить людей воевать друг с другом...

...Тем временем в далёкой Англии Питер Блад, вполне себе самодостаточный бакалавр[1 - Бакалавр – учёная степень в старинных институтах и университетах. Даже у нас кое-где ещё встречаются смешные выпускники в лиловых балахонах и чепчике с плоским квадратом на учёной голове.] медицины, раскурил трубку, полностью сосредоточив внимание на уходе за двумя горшками чеснока. Вопреки врождённому чувству юмора, он даже ни разу не плюнул сверху на бесконечный людской поток, заполнивший узенькую улочку в сонном Бриджуотере.

Толпы людей, бесцельно толкаясь, шли на площадь перед замком, где сэр Фергюсон, отбитый на всю башку капеллан «Кровавого герцога», читал проповедь, в которой было больше фейков, провокаций и призывов к мятежу, чем обращений к богу. Хотя что мог решить мятеж, если, по слухам, вампиров начали отлавливать уже даже в английских портах. Простой народ жаждал знать, что будет дальше, если власть продолжит бездействовать.

В нетрезвой толпе воодушевлённых горожан встречались мужчины со старинными мушкетами из разграбленного местного музея и двуручными мечами. Но большинство просто тащили на плечах огромные пики, переделанные из крестьянских кос, жутко страшные на вид, но по факту мало чем пригодные для реального боя. Таких «хероев» голодные вампиры порвали бы на раз, в отличие от закованных в железо испанцев, которые служили единственным щитом Старому Свету, хотя порой и успешно действовали заодно с теми же вампирами.

Ряды случайных вояк состояли из каменщиков, садовников, сапожников, гончаров, ткачей, пекарей, рыбаков, кузнецов, писателей, музыкантов и представителей других мирных профессий. Под чёрные знамёна незаконнорождённого герцога с половиной вампирской крови в жилах встало практически всё мужское население городка. Ну, разве что исключая последних трусов.

Однако стройный бакалавр медицины Питер Блад, от роду не знавший, что такое трусость, на участие в мятеже всё равно категорически не подписывался. Способный мастерски владеть шпагой, ланцетом и пистолетом, он в этот тёплый июльский вечер ухаживал за цветущим чесноком и лишь время от времени бросал вслед охваченным мятежной лихорадкой героям слова из своего любимого Горация[2 - Гораций – римский поэт I века до н. э. Любим многими до сих пор, и есть за что!]: «Куда, куда бежите вы, о психи?!»

Так почему же этот самый Питер Блад не спешил стать под так называемые «знамёна свобод и вольностей», расшитые порочными девственницами Таунтона, воспитанницами массажных интим-салонов мадемуазель Блэйк Старр? Как потом пели в круговых тюремных балладах, эти невинные девицы разорвали свои нижние шёлковые одеяния, чтобы, оставшись голыми, пошить из них знамёна для армии вампира Монмута! Господи, какая псевдопатриотическая пошлость...

Строки из Горация, обвиняющие восставших в массовом психозе, били точно в цель. Все они казались Питеру полными идиотами и безумцами, радостно спешившими навстречу своей смерти и в упор не видевшими реальной опасности, угрожавшей из-за океана всему цивилизованному миру.

– Да просто я отлично знаю этого прощелыгу герцога Монмута и его мамашу, – бормотал доктор, любясь растущим чесноком. – Бледная, словно потолок, красотка с выдающимися клыками и глазами красными, как у кролика! А вы читали их листовки? «После смерти нашего государя Карла II право на престол Англии, Шотландии, Ирландии, Франции, Испании, Греции, Германии, Австрии, Македонии, Ирландии и на европейскую часть России со всеми её владениями и подвластными территориями переходит к благородному сэру Джеймсу, герцогу Монмутскому, сыну и законному наследнику Карла II. А все, кто против, суть есть оборзевшие враги народа и кАллаборанты, чья кровь должна наполнить желудки избранных!» Какая дешёвка, песок мне в почки...

Каким же надо быть дубовым кретином, чтобы идти за ним? Более того, как можно поверить, что «нехай упир на трон приjde, в стране порядок наведе»?! Но вот же, нате вам, несколько знатных вигов[3 - Виги – политическая партия в Англии (XVII–XIX вв.), родоначальница английской либеральной партии. Вечный противник партии тори. На карикатурах вигов изображали ослами, а тори – слонами. Видимо, за дело.] легко всколыхнули простодушный народ на праведное восстание.

– «Куда, куда бежите вы, о психи?!»

В то время, когда все цивилизованные страны выступали единым фронтом, заключая военные союзы для охраны своих торговых путей в Тихом океане и Карибском бассейне от вампиров, грабящих всех подряд и наводящих ужас на побережье, Великобритания привычно развлекала себя внутриусобными распрями.

Перерождённые кровососы, уже не первый год слывшие проклятием всего прогрессивного человечества, тем временем сбивались в стаи, захватывали корабли, поднимали красный или чёрный флаг, а порой даже выдвигали политические требования. Говорят, правительства ряда стран не гнушались нанимать их на страшную службу, а служить они умели...

Тем временем перед замком уже собирались мужчины, их сопровождали матери, жёны, дочери, возлюбленные и сочувствующие. Все они шли широким шагом, твёрдо веря, что защищают закон, свободу, веру и право на пиво. Кровавый Монмут обещал лично руководить «внезапным» нападением на королевскую армию под командованием генерала лорда Февершема.

Сам лорд стал военным лагерем у Седжмура и был прекрасно осведомлён о намерениях противника. Да кто бы сомневался, когда хвастливые вопли герцога долетали до самого Лондона!

Питер Блад закрыл ставни, отметив, что из окна противоположного дома за ним следят злобные глаза милых, романтических сестёр Питт, самых восторженных обожательниц красавчика Монмута. Ну вот почему страстных инфантильных девиц всегда тянет к вампирам?!

Питер с улыбкой кивнул девушкам, с которыми всегда находился в дружеских отношениях, а одну из них даже лечил от кое-чего неприличного. Все три вещицы сестрички дружно плюнули в его сторону. Вежливая улыбка тут же погасла на тонких губах Питера, он с трудом удержался, чтобы не показать в ответ средний палец.

После того как на горизонте появился чернокудрый Монмут с алыми губами и томным взглядом, вскруживший головы женщинам всех возрастов, надменные

сёстры Питт отказывались понимать, как молодой и здоровый человек, прошедший пару войн, обладающий полезным опытом обращения со скальпелем и наведением пушек, ухаживает за какими-то там цветочками, вместо того чтобы пойти и умереть ради зубастого душки, который так хочет взойти на престол, принадлежащий ему по праву! Или не по праву, но ведь герцог всё равно милашка и душка...

Блад вспомнил, что ещё вчера эти же крали в напудренных кудряшках взашей вытолкали своего племянника моряка Джереми, шкипера торгового судна, с его же корабля, заставив парня с мушкетом наперевес бежать на защиту правого дела. И все, кто не козёл, просто обязаны последовать его примеру! Почему? А потому что!

Сам же Питер Блад родился на свет в семье тихого, пьющего ирландского врача и пылкой, неуправляемой уроженки Сомерсетширского графства. От матери он унаследовал бурую храбрость, доводящую до безумия, а от отца – нежную любовь к знаниям, получив уже в двадцать три года степень бакалавра медицины. Не слабо так, а?

Внешность нашего медика была та ещё: высокий, худощавый брюнет, смуглый, как молдавский цыган. Но из-под чёрных бровей смотрели невероятно синие пронизывающие глаза, а черты лица были почти греческими. Блад привычно одевался во всё чёрное, как и подобало профессиональному врачу. Его кам-зол тонкого камлота[4 - Камлот – благородное сукно из шерсти самого неблагородного верблюда.] был обшит серебряным позументом, а манжеты рубашки и жабо украшали дорожные брабантские кружева. У каждого свои причуды...

К сожалению, родители его прожили недолго, и молодой медик с горя (?) отправился посмотреть мир. Любовь к морю толкнула его на службу в голландский флот. Печально знаменитый адмирал де Ритер даже произвёл его в офицеры за участие в великой морской битве с вампиро-испанским флотом на Средиземном море.

Сам Блад прекрасно отдавал себе отчёт, что благосклонностью адмирала он обязан лишь тому, что в его каюте всегда имелся запас чистого медицинского спирта, но чего уж ворошить прошлое. Тем более кто сейчас вообще помнит несчастного де Ритера: парой месяцев позже вампиры загрызли его прямо на капитанском мостике...

Потом два года Питер отсидел на зоне, в грязной испанской тюрьме, а откинувшись с кичи, уже в составе французской армии в хвост и гриву бил испанцев, оккупировавших Голландию. А почему нет?! Ведь общеизвестно, что именно жадность конквистадоров Кортеса разбудила то страшное Зло, что дремало в затерянных городах Анд, а изголодавшиеся вампиры вновь обнажили клыки...

Но в возрасте тридцати двух лет Питер оставил море, решив вернуться к профессии врача. Искренне считая, что идиотское сражение за клыкастого герцога Монмута не имеет лично к нему никакого отношения, Блад выпил две (или три, он не считал) бутылки портвейна и пораньше лег спать. Доктор спокойно дрых, когда Монмут во главе повстанцев с песнями и музыкой двинулся на королевскую армию, которой по сюжету также полагалось ночью спать.

Но солдаты не спали (вот это сюрприз!) и встретили мятежников залпами картечи в упор. Так что в четыре утра, когда над раздолбанным полем битвы начинало подниматься солнце, мирный сон Питера Блада был нарушен самым безжалостным образом.

В дверь его дома били головой или прикладом, что-то громко крича. Полагая, что в городе кто-то срочно рождает тройню, Блад накинул ночной халат, сунул ноги в тапки и выбежал из комнаты. На улице в золотых солнечных лучах стоял молодой человек в изодранной одежде, покрытой грязью, пылью и почему-то опилками. Стоявшая рядом с ним лошадь, держась за сердце, тяжело переводила дыхание.

Блад не сразу узнал молодого шкипера Джереми Питта, племянника тех самых вредных девиц, живших в доме напротив. В разбуженных шумом домах открывались двери, распахивались окна, из которых выглядывали недовольные физиономии невыспавшихся соседей.

– Спокойствие, только спокойствие, дамы и господа, – громко объявил Блад. – Где вампиры? Кто рождает? Почему, припарки еловые, сразу ко мне?!

Пыльный юноша недоумённо переглянулся с лошадью и пожал плечами.

– Так, ещё раз, берём всего себя в руки и отвечаем на вопрос: чего? кому? от меня? надо, а?

Шмыгая носом и задыхаясь, молодой человек наконец заговорил:

– Наш командир лорд Гилдой тяжело ранен в... он сейчас в усадьбе Оглторп... меня послали за вами... Скорее к нему... скорей! У него пуля в таком месте...

Он кинулся к Бладу, надеясь поймать его за полы ночного халата, но доктор ловко увернулся, шутливо стукнув юношу по лбу домашним тапком.

– Можно я не поеду? – попробовал отвяжаться он. – Укуси меня вампир, ну не в такую же рань и не в таком наряде!

– Но лорд Гилдой такой хороший...

– Не аргумент.

– Он один из горячих соратников герцога Монмута!

– Это вообще не аргумент!

– Так вы не поедете? – удивился молодой человек, доставая кремнёвый пистолет.

– Сказал же, поеду, – подтвердил Блад, прекрасно понимая, что, откажи он, соседи-патриоты сию же минуту разорвут его на месте, – но прежде всего мне нужно переодеться, принять ванну, выпить кофе и захватить с собой кое-какие медицинские инструменты. Клизму, например.

– Мы теряем время! Мы его теряем!

– Посидите в доме, молодой человек. Быть может, хотите слабительного чаю со сливками?

Но нетерпеливый Питт замахал руками:

– А если лошадь свистнут? Ради бога, поспешите!

Блад бегом метнулся вверх. Переодеваясь, он дал несколько поручений домохозяйке, распорядившись заодно и насчёт роскошного обеда, который в результате даже не попробовал. Увы и ах...

Когда наконец доктор вышел на улицу, то застал молодого шкипера уже осаждённым толпой напуганных полуодетых горожанок. Понятно, какие именно «весёлые новости» сообщил им Питт, поскольку раннее утро резко наполнилось плачем, нытьём и стенаниями.

При виде Блада молодой моряк стряхнул с себя рыдающих тётушек и вскочил в седло.

– Поехали уже! Садитесь позади меня!

Доктор Блад обошёл лужи слёз и вспрыгнул на круп лошади, властно обняв за талию своего спутника.

Вот так и началась его вампирея. Шкипер Джереми Питт, которого Блад ошибочно счёл лишь засланцем раненого мятежника, на деле оказался посланцем самой Судьбы!

Глава 2

Драконы Кирка

Пробираясь по сельской дороге в дымах и запахе пороха к серому приземистому дому в стиле Тюдоров, Блад не мог поверить, что его старая добрая Англия полыхает сейчас в кровавой междоусобице. Но вампиры часто использовали давнюю европейскую политику стравливания людей, и коварный Монмут отнюдь не был исключением...

На каменном мосту из Бриджуотера им встретились самые шустрые дезертиры с поля боя. Разрозненные отряды повстанцев бросали оружие и разбегались в

страхе, что вот-вот появятся красные мундиры королевских драгун и покажут всем кузькину мать. Что это такое, доподлинно не знал никто, а потому боялись до икоты...

Но всё равно Питт и его спутник каким-то чудом добрались до старой усадьбы, где был расположен штаб мятежников. Во дворе им навстречу бросился бледный, как рисовый пудинг, хозяин дома сэр Бэйнс.

Доктору наконец продемонстрировали и лорда Гилдоя – высокого мужчину с мясистым носом, напоминающим красный болгарский перец, лежащего на кушетке у окна. Мятежный командир тяжело дышал и слабенько стонал на выдохе. Вокруг высокопоставленного раненого суетились жена Бэйнса и его весьма миловидная дочь.

– Хм, позвольте представиться – Блад. Питер Блад. А что вы делаете сегодня вечером?

– Доктор, а вы кого-то ждёте? – не поняла его девушка. – Скорая должна приехать?!

Вздыхнув, Блад склонился над его светлостью и приступил к своим профессиональным обязанностям. Сначала он в клочья разорвал его камзол, приспустил нижнее бельё, обнажив пробитый пулей филей молодого лорда, затем посвистел в потолок и велел принести выпить чего-нибудь покрепче.

– Но разве вам не нужны горячая вода, бинты, корпия и всё такое?

Питер подумал и неуверенно кивнул:

– Но бренди вперёд!

Полчаса спустя, когда победоносные королевские драгуны влетели в усадьбу, Блад ещё бинтовал раненого. Его очень трудно было хоть чем-то отвлечь, если он поглощён своей работой и хорошей выпивкой.

Однако носатый лорд, придя в себя, проявил серьёзную озабоченность отсутствием штанов, а Джереми Питт, весь вид которого выдавал в нём

махрового повстанца, полез прятаться в бельевой шкаф, между скатертями и простынями. Хозяин усадьбы перепугался до смерти, его жена и дочь тоже дрожали от страха.

– Ну и чего вы боитесь? – спеша всех успокоить, не очень трезво рассмеялся Блад. – Ведь мы живём в культурной Англии, в правовом государстве, а только вампиры расправляются с ранеными и с теми, кто их приютил.

Видимо, на тот период Питер Блад ещё питал какие-то иллюзии в отношении и культуры, и англичан, и английского судопроизводства. Затем он дал раненому отхлебнуть крепкого британского алкоголя, меланхолично допил остатки и покачал в пальцах пустой стакан.

– Спокойно, лорд Гилдой, а синька ещё есть?

В это мгновение в комнату с грохотом и бряцанием ворвалось человек двенадцать драгун Танжерского полка в мундирах цвета варёного карибского омара. Ими командовал туповатый, надменный толстяк в камзоле, богато расшитом золотым позументом.

Не знающий куда приткнуться, Бэйнс остался стоять на месте, а его жена и дочь вжались спинами в стену. Блад, сидевший на табурете возле раненого, обернулся, укоризненно шикнув на солдат, икнул и приложил палец к губам.

Офицер приказал остановиться, а затем, позвякивая шпорами и придерживая эфес своей сабли, на цыпочках осторожно прошёл вперёд.

– Я – капитан Гобарт из драгун полковника Кирка, – прошептал он негромко, обращаясь к хозяину дома. – Вы тут покрываете мятежников?

– О нет, сэр... я не покрываю... этих, как их... я только с женой, – пролепетал дрожащим голосом Бэйнс, – но, сэр, этот джентльмен ранен...

– Ха, и даже нет нужды спрашивать где! – фыркнул капитан и подошёл к кушетке. Мрачно нахмурясь, он наклонился над лордом и принялся, всматриваясь в серо-землистое лицо раненого. – Пил? Ага, взять проклятого алкоголика, ребята!

Но тут Блад отважно загородил собою раненого.

– Во имя человечности, сэр! – возмутился он. – Мы ведь живём в культурной Англии! В колыбели закона! Хватать тяжелораненого человека нельзя, это опасно для его жизни. Вы сами ни разу не пили, что ли?

Заступничество доктора неслабо развеселило капитана:

– Ах-ха, так мы ещё должны заботиться о здоровье мятежников?! Чёрт побери!

– Вообще-то, я думал, что да, – уже не так уверенно ответил Блад.

– Может, мне его ещё и лечить прикажете? Вдоль всей дороги от Вестона до Бриджуотера расставлены виселицы, и полковник Кирк проучит этих бунтовщиков так, что об этом будут помнить их дети, внуки и правнуки!

– Вешать людей без суда?! – возмущённо всплеснул руками Блад. – Я, наверное, ошибся. Мы сейчас не в Англии, а в вампирском Танжере, где когда-то повеселился ваш полк.

– Можно не так орать?! – капитан Гобарт взглядом указал на раненого и продолжил полушёпотом: – А что вы сразу с козырей? Танжер, Танжер... Можно подумать, мы одни там стояли!

Он внимательно уставился на доктора и, кажется, начал кое-что припоминать.

– Кто вы такой, рогатый дьявол вас побери?

– Блад, Питер Блад. К вашим услугам.

– А... ага... Припоминаю вашу фамилию. Вы прислуживали французам, не так ли?

Если Блад и был удивлён, то не показал этого:

– Вообще-то, я работал за зарплату. Это не запрещено.

– Клянусь небом, полковник будет рад задушить вас собственноручно! – капитан громко и крайне противенько рассмеялся. – Зачем вы сюда припёрлись?

– Я врач и прибыл для оказания помощи раненому.

– Вы что, ещё и доктор?

– *Medicinae baccalaureus*, – лаконично ответил Блад латинским термином, означавшим в переводе «бакалавр медицины».

– Все слышали, как он послал меня матом по-французски?! – свирепо закричал капитан. – А ну, собака, говорите по-английски!

Улыбка Блада реально раздражала и бесила всех, даже хозяев дома, логично полагающих, что не стоит так уж откровенно троллить победителей.

– Я типа врач, практикующий в городе Бриджуотере.

Гобарт насмешливо фыркнул:

– А в город вы приехали из Лаймского залива[5 - Лаймский залив – место высадки зубастого Монмута.], сопровождая своего приبلудного герцога? Быть может, даже провезли пару-тройку вампиров в трюме корабля?!

Холодная улыбка мелькнула на губах Блада:

– Если бы ваши мозги обладали мощностью вашего голоса, вы давно уже были бы целым маршалом, а не жалким капитанишкой...

Командир драгун потерял дар речи, его лицо залилось густым румянцем.

– Мой чин достаточно велик, чтобы вас повесить! – пропищал он, пытаясь совладать с голосом.

– Не пыжьтесь, я вам верю, – спокойно ответил Блад, дружески хлопая его по плечу. – У вас манеры и физиономия настоящего палача. Но если вы только

тронете моего пациента, то тем самым завяжете пеньковый галстук и на своей свиной шее. Этот человек отнюдь не тот, кого вы привыкли вздёргивать без вопросов. Он имеет право требовать пэрского суда[6 - По британским законам, лорда (пэра) могут судить только те же лица – лорды (пэры) верхней палаты английского парламента. Ну, примерно, как у нас бы депутата Государственной думы судили исключительно сами думцы. Результат вы себе представляете...].

– Чего, чего, чего?

– Я имел в виду – суда пэров.

Капитан был заметно озадачен последними словами, подчеркнутыми Бладом.

– Да, любой человек, если он не идиот или не вампир, прежде чем кого-нибудь вешать, спросил бы у этого кого-нибудь его фамилию. Вы спросили?

– Нет. И что, теперь я идиот или вампир?!

– Я склоняюсь к первому, но не передёргивайте, просто спросите! Этот человек – лорд Гилдой.

Тут раненый пошевелил филеом и слабым голосом произнёс:

– Я не скрываю своей личной связи с милым герцогом Монмутским, не подумайте чего плохого! И я готов за всё ответить. Однако, с вашего разрешения или без него, я буду отвечать перед судом пэров, как правильно заметил доктор. И пошли вы... это... на или в...

Он утомлённо смолк, а в комнате воцарилось громкое молчание. Как и многие хамоватые хвастуны, по натуре Гобарт был отчаянным трусом, и сообщение о высоком титуле раненого испугало его не на шутку. Будучи раболепствующим выскочкой, он в полуприседе благоговел перед титулами. Но и своего начальства капитан боялся тоже, поскольку полковник Перси Кирк никому не прощал ошибок, был тяжёл на руку и бил своих, чтоб чужие боялись.

А разогретый ромом Питер Блад тут же добавил ещё один аргумент в топку для дополнительных размышлений:

– Отметьте, что лорд Гилдой имеет в лагере тори[7 - Тори – политическая партия из о-очень крупных представителей земельной аристократии и высшего духовенства. В общем-то, понятно, почему «слоны».] друзей и родственников, которые не преминут вмазать по мордасам полковнику Кирку, если с его светлостью обойдутся как с банальным уголовником. Укуси меня вампир, капитан, а уж что противоестественное с вами сделает после этого сам полковник... у-у... Трёхлитровая клизма русской расторопши покажется вам раем!

Командир королевских драгун храбро отмахнулся от этого предупреждения, но на самом деле быстренько учёл его.

– Берите матрас, – приказал он, – и тащите на нём арестованного в Бриджуотерскую тюрьму!

– Не, не, не! – запротестовал Блад. – Его вообще нельзя сейчас трогать. Он ранен в...

– Да тьфу ему на это место! Моё дело – арестовывать мятежников и пособников вампиров, – капитан кивком головы подтвердил приказ.

Четверо драгун угрюмо цапнули матрас с четырёх углов и волоком потащили раненого к двери. Гилдой изобразил слабую попытку помахать рукой Бладу.

– Отныне я ваш должник, доктор, – просигналил он, – и если выживу, то постараюсь заплатить этот долг. Не то чтобы я так уж обещаю, я вообще редко держу слово, но вдруг...

Как только толстоносого лорда унесли, капитан вновь повернулся к Бэйнсу:

– И кого ещё из страшных мятежников вы укрываете?

– Больше никого, сэр. Только его светлость, раненного в...

– Да я знаю, знаю куда! Мне это уже четыре раза показали! Мы разберёмся с его светлостью. А вами займёмся, как только обыщем дом, и клянусь богом, если вы мне лжёте...

Трое драгун тут же ломанулись в соседнюю комнату, топоча сапогами и переворачивая мебель. Питер Блад скромно встал, развернувшись на выход.

– А вот вас, Блад, я попрошу остаться! – резко бросил Гобарт.

Доктор пожал плечами и сел.

– Вы скучный и некрасивый, – вздохнул он, – удивляюсь, как вас ещё терпит ваш полковник.

Но капитан не ответил, поскольку заметил потрёпанную и запылённую морскую треуголку с прикреплённой к ней парой дубовых листьев – символом дубового единения всех форм жизни и толерантного отношения к вампирам. Шляпа валялась у бельевого шкафа, где прятался бледный, но недалёкий шкипер Джереми.

С коварной улыбкой Гобарт широко распахнул створки и, схватив за воротник молодого человека в лифчиках и платочках, вытащил его наружу.

– А это что за комик на букву «г»? – выкрикнул он. – Вампир?! Или ещё какой-нибудь вельможа?

Воображение Блада немедленно нарисовало грозную виселицу, на которой болтается юный моряк, и он в один миг придумал Питту не только титул, но и целую знатную семью.

– О да, бинго! Вы угадали с первого раза, капитан! Этот тип – виконт де Питт, двоюродный брат зятя сэра Томаса Вернона, женатого третьим браком на красотке Молли Кирк, в девичестве Шмырк, родной сестре вашего полковника. Вам должно быть известно, что она была фрейлиной второй жены короля Якова. Сечёте, цыпа?!

И капитан, и его пленник чуть не задохнулись от удивления. Но если один догадался помалкивать, то второй сначала громко выругался неприличным английским матом! Хотя какой там мат, суесловие одно, увы и ах...

– Он ведь нам всё врёт, не правда ли, моя прелесть? – с надеждой протянул Гобарт, трясая юношу, как грушу. – Клянусь богом, он же издевается над нами.

– Если вы в этом уверены, – притворно равнодушно вздохнул Блад, – так вы повесьте его, и посмотрим, что с вами сделают! Вешайте, вешайте! Чего стоим, чего мнёмся?

Капитан драгун обиженно уставился на доктора, а затем на своего не менее обалдевшего от такого предложения пленника.

– Мать вашу йоркширскую за ногу... Взять его! – приказал он, толкнув Питта в руки своих людей. – Свяжите и этого тоже, – капитан указал пальцем на Бэйнса, – я вам тут покажу, как укрывать повстанцев!

Хозяин дома бурно протестовал, вроде как он и так это отлично знает, но кто бы его слушал? Перепуганная жена Бэйнса кричала от страха, а его златовласая дочь с нежными голубыми очами едва не плакала. Меж тем глаза капитана похотливо вспыхнули, и, приподняв девушку за подбородок, так что та едва касалась носками ног пола, он слюняво присосался к её губам, отчего бедняжку чуть не стошнило.

– Это только аванс, – мрачно ухмыльнувшись, сказал Гобард, – как только я разделаюсь с этими мошенниками, то покажу тебе кое-что большое, моя маленькая мятежница! Тебе понравится, всем девушкам нравятся военные...

Его драгуны дружно расхохотались в ожидании своей очереди.

– Я ненадолго здесь задержусь. – Его масляные глаза оценили съёжившуюся от страха девушку, потом, небрежно указав на Блада, негодая буркнул: – Этого хитро выделанного типа тоже прихватите с собой! Он нам может пригодиться...

Питер Блад изумлённо вылупился на командира драгун. В эту минуту он думал лишь о том, что в его сумке с инструментами лежал скальпель, с помощью которого можно было бы немножечко зарезать капитана Гобарта, что было бы весьма полезно для человечества в целом.

– Но лично я собирался идти домой!

– А вот лично вам придётся идти... ха-ха... не домой, а в тюрьму.

– Вы, конечно, шутите! Я же врач.

– У нас найдётся виселица и для врачей!

Грубые руки драгун схватили Блада, а его замечательный скальпель остался в медицинской сумке, лежавшей на столе.

– В тюрьму его! – приказал Гобарт и, повернувшись к своим драгунам, распорядился: – Обыскать весь этот дом от чердака до подвала. Я же пока повеселюсь здесь...

Терпение Питера Блада кончилось. Будучи сильным и гибким, он легко вырвался из рук солдат и в одном дичайшем прыжке с истинно хирургической точностью пнул ногой капитана в единственное нужное место. Тот с противным крысиным писком рухнул навзничь, а на доктора набросились превосходящими силами, отпинали сапогами по рёбрам и, связав ему руки за спиной, взяшей вытолкали из дома.

Да, сегодня люди короля были владыками на Западе[8 - Имеется в виду юго-западная часть Англии, за каким-то хреном поддерживавшая восстание.], где они вели себя, как в завоёванной стране, и простой кавалерийский капитан играл роль властелина жизни (увы, теперь бесполого!) и смерти простых людей.

Блад и его товарищи по несчастью стояли, привязанные к стременам. По команде корнета, поскольку капитан более и рта не мог раскрыть, отряд быстренько собрался и на рысях отправился в Бриджуотер. Из дома слышался треск ломаемых табуреток, грохот переворачиваемой мебели, крики и смех солдат, упивающихся грабежом и виски.

Когда в это чудесное июльское утро Питера Блада волоком тащили между яблоневыми деревьями, он напряжённо думал, что человек не венец природы, а её отвратительнейшее создание, и только круглый идиот мог избрать себе профессию исцелителя этих моральных уродов, которые заслуживали исключительно уничтожения. Полного, физического уничтожения, если кто не понял!

И если Всевышний не пошлёт второй Потоп, то доктор считал себя вправе обратиться за помощью даже к вампирам...

Глава 3

Верхосвинствующий судья

...Два месяца спустя (если кому уж очень надо знать точную дату, то это было 19 сентября 1685 года) Питер Блад предстал в суде по обвинению в государственной измене. За время, проведённое в тюрьме в самых скотских условиях, бакалавр медицины успел страстно возненавидеть и короля Якова, и всех его сторонников оптом!

Всего лишь только за одну неделю, прошедшую после Седжмурской битвы за владычество вампирского герцога над британскими островами, Кирк и Гобард самовольно казнили свыше ста человек. Победителям требовались жертвы, да и что, в конце концов, стоила жизнь какого-то левого англичанина?! Ничто. Впрочем, как и всегда.

Палачи работали не покладая рук, орудуя верёвками, топорами и котлами с кипящей смолой, но нам позволено избавить вас от описания всех деталей этих отвратительных зрелищ. И самое страшное, что их творила высокоцивилизованная Англия, до сих пор мнящая себя венцом культуры мира...

Но, увы, Питер был не один. Джереми Питт, который и являлся первопричиной его несчастий, старался всё время тереться поближе к доктору; и хотя бакалавр медицины пытался отстраниться подальше от него, но перед судом их всё равно сковали общими кандалами. Это не улучшило и без того паршивого настроения Блада:

– А ты в курсе, что лорд Гилдой, активный участник мятежа, которому я лично выковыривал пулю из филея, купил себе полное прощение за сорок тысяч фунтов стерлингов?

Питт изумлённо обернулся:

– Не может быть! Сёстры так хорошо о нём отзывались...

– Ещё бы! Ну и где теперь истинные виновники этого дурацкого восстания?!

– В соседней камере с удобствами?

– Господи, Джереми, не тупи! Они все давно откупились от любого суда. Виселица ждёт только тех, кто имел глупость следовать за аристократами, а сами аристократы, конечно же, никогда ни в чём не виноваты! Продать бы рифму Овидию, а?

Он горько засмеялся и с чувством глубочайшего презрения к самому себе вошёл в Таунтонский замок на суд несправедливый. Вместе с ним были доставлены Питт и Бэйнс, ибо все они проходили по одному и тому же бесчестному делу.

Огромный зал, наполненный зрителями, был украшен британскими флагами и красной материей. Это называлось эффектной выдумкой верховного судьи, тощего барона Джефрейса, вечно жаждавшего крови. Он восседал в председательском кресле. Пониже сутулились четверо запуганных судей в пурпурных мантиях и мрачных чёрных париках. А ещё ниже сидели двенадцать окончательно забитых присяжных заседателей.

Стража ввела очередную партию заключённых. Судебный пристав громко потребовал полной тишины, угрожая нарушителям тюрьмой, каторгой и плахой. Шум в зале стих, и Блад бросил взгляд на присяжных заседателей, которые якобы дали клятву быть «милостивыми и справедливыми».

Но куда там! Каждый из этих запуганных бедолаг стоял перед очевидным выбором: делай, как сказал судья, или тебя объявят очередным пособником мятежников.

Затем Блад присмотрелся к председателю суда, щедедушному лорду Джефрейсу, о маниакальной жестокости которого ходила жуткая слава. Говорили, что последние четыре-пять месяцев он выносил исключительно смертные приговоры, и никак иначе!

Это был высокий худой человек, возрастом далеко за полтинник, с вытянутой некрасивой физиономией. Набрякшие веки подчёркивали безумный блеск его глаз. На мертвенно-бледном лице резко выделялись яркие полные губы, а на впалых щеках горели два пятна нездорового румянца.

Верховный судья страдал, как первоначально показалось Бладу, от мучительной, скоротечной чахотки, которая вела его к могиле самым малоприятным путём.

– Гражданин Питер Блад, поднимите руку!

Он повиновался, а клерк монотонным голосом начал бубнить длиннущее обвинительное заключение: доктору Бладу вменяли измену своему верховному и законному владыке Якову II, божьей милостью королю Англии, Шотландии, Франции и Ирландии (не спрашивайте, почему в этом списке ещё и суверенная Франция), злонамеренное нарушение мира и спокойствия в королевстве, поддержание пособников вампиров, разжигание национальной розни, терроризм, антисемитизм и организацию мятежа с преступной целью лишить своего короля головы, короны, титула, чести и наследства. В заключение доктору предлагалось ответить, виновен он или невиновен.

– Да вы офонарели с такими предъявами! Конечно, я ни в чём не виновен!

Блад хотел бы сказать ещё многое – с языка рвалось, как вы понимаете, – но верховный судья прервал его мягким, даже жалобным голосом:

– Молодой человек, соблюдайте судебные нормы ЕСПЧ. Как я вижу, вы не знакомы с судебной процедурой?

Блад скрипнул зубами и кивнул, выражая согласие, чтобы его «судили бог и страна»[9 - Стандартная формула английского судопроизводства. Типа ничего личного.]. Вслед за этим вызвали Эндрю Бэйнса, также назвавшего себя невиновным; клерк перешёл к Питту, и тот вдруг смело признал свою вину. Верховный судья заметно оживился:

– Ну вот, другое дело! Смысл всем упрямыться, как эти закоренелые бунтовщики, по-любому заслуживающие казни, – и он указал на Блада и Бэйнса. – Сейчас быстренько их повесим – и ужинать! Но процедура превыше всего...

По факту единственным свидетелем обвинения против Питера Блада был тот самый капитан Гобарт. Фальцетом, заслоняя ладонями, видимо, до сих пор большое место, он признал, что арестовал ещё трёх подсудимых вместе с лордом Гилдоем. Согласно приказу своего полковника капитан обязан был повесить молодого шкипера Питта, но в этом ему помешал доктор, который нагло соврал, что Питт является пэром и чьим-то зятем и вообще каким-то там высоким родственником.

Злобный лорд Джефрейс, прикрывая рукавом рот, победно хохотнул:

– Суду всё ясно, и не фиг тянуть кота... хм... Поскольку факт подлой измены этих негодяев установлен, говорить больше не о чем. Казнить всех! Прямо сейчас, у меня на глазах!

В ответ прозвучал твёрдый и насмешливый голос Питера Блада:

– Я бы хотел, чтобы присяжные заседатели выслушали всё, что я скажу в свою защиту.

– Ну что же... Посмеёмся напоследок. А, ха-х?..

Резкий голос верховного судьи вдруг сорвался и стал глухим. Белой рукой с набухшими синими венами он прижал к губам носовой платок. Питер Блад вдруг невольно поймал себя на мысли, что это может быть связано не только с болезнью.

– Капитан Гобарт не сказал, что я был там лишь для того, чтобы врачевать раненую задни... филейную часть тела лорда Гилдоя.

– Ты хочешь сказать нам, что ты доктор?

– Ёксель бинт, дошло! Да, я окончил медицинский Тринити-колледж в Дублине.

Подняв изящную, словно у вампира, белую руку, сжимающую носовой платок, судья Джефрейс спросил:

– Так почему же тебя захватили вместе с бунтовщиками?

Питер Блад в неслабом шоке взглянул на судью:

– Так я уже вам сказал, нет?! Меня вызвали к раненому лорду Гилдою. Моим профессиональным долгом было оказать ему помощь.

– Профессиональным долгом?! – с трудом овладев собой, Джефрейс глубоко втянул воздух трепещущими ноздрями и неожиданно с прежней мягкостью произнёс: – Ну нельзя же так испытывать наше ангельское терпение. Скажи, кто тебя вызывал?

– Да вот этот самый Джереми Питт! Вы можете опросить об этом кучу жителей Бриджуотера, которые видели, как он увёз меня на крупе своей лошади. Кстати, она может подтвердить, что Питт угрожал мне пистолетом!

– Скажи нам только одно: знал ли ты, что лорд Гилдой был сторонником Монмута?

– Да, но святой долг врача обязывал меня оказать помощь раненому.

– Ты называешь это святым долгом, о нехороший человек?! – в полный голос возопил судья. – Твой святой долг, скотина ты эдакая, служить королю и Богу!

На мгновение охреневший Питер Блад реально потерял терпение:

– Меня, шунтирование вам отвёрткой в левое ухо, занимали его раны, а не политические взгляды!

На галереях и даже среди присяжных заседателей пронёсся одобрительный шёпот, что лишь усилило ярость верховного судьи. Но в целом идея с отвёрткой народу явно понравилась.

– Ответь, подсудимый, – Джефрейс повернул ястребиный профиль к членам суда, – зачем ты забивал мозги капитана Гобарта враньём о высоком сани изменника Питта?

– У него есть мозги?! Ваша честь, вас жестоко обманули...

– Что?

– Там максимум спинной мозг, и то я не совсем уверен.

– Поязви мне тут ещё!

– Хорошо, я всего лишь хотел спасти парня от казни без суда.

– Молча-а-ать!

Убедившись, что все в зале испуганно припухли, судья вдруг заговорил мягче, даже нежнее:

– Вы видите, что все мои усилия, всё моё сострадание и милосердие бесполезны перед лицом этого бесстыжего негодяя, – и, повернувшись к членам суда, добавил: – Как представитель закона напоминаю, что если кто-то сознательно лечит, укрывает и поддерживает мятежника, то этот гад ползучий также является изменником родины! Вопросы?!

После чего он, обессиленный, не опустился, а скорее упал в своё кресло и несколько минут сидел молча, вытирая платком губы. Возможно, он слишком часто прикрывал рот...

Как вы догадались, послушный суд тут же вынес приговор: все трое признавались виновными!

Питер Блад обвёл рассеянным взглядом зал, казалось, сотни бледных лиц поплыли перед ним. До него наконец дошло! Он резко рассмеялся, и смех этот странно и одиноко прозвучал в мёртвой тишине...

Правосудие в лице больного маньяка в алой мантии было сплошным издевательством. Да и сам верховный судья – грязный инструмент жестокого, продажного и по-бабски мстительного короля – был далеко не тем, кем казался...

– Ты смеёшься на пороге вечных мук, стоя с верёвкой на шее? – презрительно фыркнул судья Джефрейс.

И вот здесь Блад использовал свой последний шанс:

– Я выполнял свой долг врача. За это вы, трипонема в судейском парике, приговорили меня к смерти. Но смерть ничто в сравнении с тем, к чему вас приговорил Господь Бог! А я, пожалуй, ему немного помогу...

Никто даже пискнуть не успел, как тихий доктор выхватил из ножен сидевшего рядом капитана Гобарта его драгунскую саблю и одним неуловимым мощным движением швырнул её в судью! На мгновение повисла полная тишина...

– Боже, что это?!

Крик, вырвавшийся из уст толпы, относился отнюдь не к поступку Блада, а к его последствию.

Бледный, с судорожно дёргающимися губами, верховный судья неподвижным взглядом уставился на тяжёлый клинок, насквозь припиливший его к креслу. Рот Джефрейса непроизвольно распахнулся, демонстрируя всему залу страшные вампирские клыки!

Под потолок взлетел истошный женский вопль...

Перепуганные люди орали, вскакивали с мест, переворачивали скамьи, давя друг дружку и пытаясь вырваться из зала суда. С мёртвого лица судьи крошками стали отламываться пудра и румяна. Прокурора вырвало на клерка. Клерк пытался удержать удирающих присяжных. Никто и на миг не мог представить, что вампиры так далеко шагнули в наш мир...

Побледневшая стража быстро увела заключённых. Насмешка над английским правосудием рассыпалась на глазах, на кровавый пурпур судейской мантии падали хлопья серого пепла, и ни один человек на свете не знал, что будет дальше...

Покупатели людей

Если хоть кто-то из вас надеялся, что за раскрытие и убийство вампира Питера Блада как-то наградили, отметили, погладили по головке, помиловали, изменили наказание, скостили срок, сказали спасибо или даже даровали свободу, то увы...

Приговор доктору с товарищами оставили без изменений. Продажная английская Фемида держалась чёткого мнения о том, что суд состоялся ДО того, как выяснилось, что Джефрейс – вампир. Следовательно, нет никаких причин отменять его решение. Логика, ау?!

И Блад непременно был бы повешен, но утром следующего дня в Таунтон прибыл курьер из Лондона от лорда Сэндерленда. Он сообщил, что король Яков дарует осуждённым невероятную монаршую милость, позволяя тысяче бунтовщиков умереть в рабстве на Ямайке, Барбадосе и на прочих Подветренных островах.

Не подумайте, что он сделал это от большой гуманности. Просто массовые казни бездарно уничтожали ту физическую силу, которую можно было легко продать с максимальной выгодой для короны. В британских колониях всегда не хватало рабов для повальной работы на плантациях, и любые мятежники сейчас были в цене, просто на вес мышц.

Всех их приказывали немедленно отправить в южные владения короля, где им была обещана мнимая свобода за каторжный труд в течение десяти лет. Мало кого волновало, что в рабстве на плантациях сахарного тростника белые люди не выживали и года. Не говоря уж о том, что набеги вампиров или пиратов порой выкашивали целые города...

Но только поэтому доктор Питер Блад, эсквайр Эндрью Бэйнс и шкипер Джереми Питт вместо повешения отправились пешкодралом вместе с другими заключёнными в Бристоль, а там были пересажены в грязный трюм корабля «Ямайский скупец». От жутких условий, протухшей еды и гнилой воды среди осуждённых вспыхнула эпидемия, после чего в океан было выброшено аж одиннадцать трупов. Несчастный бедолага Бэйнс оказался в числе умерших.

...Повальную смертность среди заключённых остановил тот же Питер Блад, уговоривший капитана «Ямайского скупца» дать ему доступ к ящику с лекарствами. Как вы понимаете, здоровье каторжан никого особо не волновало, но ушлый капитан Гарднер быстро сообразил, что ему могут дать по шапке за слишком большие потери «живого товара», не говоря уже о том, что болезнь могла запросто перекинуться и на весь экипаж судна. Оно нам надо? Неть...

...Когда корабль бросил якорь в Карлайлской бухте, на залитый солнцем берег вышли всего сорок два оставшихся в живых повстанца. Тощих, худых, грязных, мало похожих на людей.

Несчастных вывели на набережную довольно приличного городка с домами европейской архитектуры, где над черепичными крышами возвышался эффектный шпиль церкви. Вход в бухту защищали тяжёлые стены форта, из амбразур которого торчали грозные стволы чугунных пушек. В самом центре, на склоне холма, стоял большой губернаторский дом.

На мощёной набережной выстроился вооружённый отряд милиции, состоявший из местных жителей, а для осмотра доставленных каторжан прибыл сам губернатор Сид, невысокий толстячок с красной мордой, одетый в камзол из голубого сукна, обильно расшитый золотом. За губернатором следовал высокий, дородный мужчина в форме полковника барбадосской милиции. На его плоском загорелом лице застыло вечное брезгливое недовольство, замешанное на буром высокомерии.

Рядом с ним шла милая стройная девушка в атласном костюме для верховой езды. Широкополая серая шляпа, украшенная страусиными перьями, прикрывала её прелестное лицо, покрытое нежнейшим золотистым загаром. Блестящие каштановые локоны падали на плечи. В её глубоких карих глазах читалось искреннее сострадание. Она была словно не от мира сего...

– Типичная дурочка, – пробормотал Питер Блад, неожиданно поймав себя на том, что он не сводит взгляда с очаровательной красотки. (Напомним, доктор до сих пор был не женат.)

Девушка столь же явно выделила мятежного каторжанина, с изумлением и жалостью всматриваясь в его черты. Затем она дёрнула за рукав полковника и что-то горячо зашептала ему на ухо.

Но, прерывая её, к ним тут же обернулся губернатор:

– Успокойтесь, дорогой полковник Бишоп! Разумеется, вы вправе выбрать любого из этих грязных бродяг по бросовой цене. Остальных мы продадим с общих торгов, хоть на корм вампирам...

– Не надо ля-ля, ваше превосходительство! Клянусь честью, мне нужны рабочие руки, а не ходячие трупы. Какой толк будет от этой грязной швали на плантациях?

Презрительно щуря кабаньи глазки, он подозвал к себе капитана «Ямайского скупца», некого Гарднера (не путайте с известным русским производителем фарфора!), для осмотра всех каторжан.

В первую очередь полковник остановился напротив молодого шкипера Питта. Потыкав толстым пальцем в грудные мышцы юноши, в живот, в пах, он приказал ему открыть рот, посмотрел на зубы; развернул, оценил всё что можно сзади, сплюнул и, не поворачиваясь, буркнул стоявшему рядом Гарднеру:

– За этого циркового уродца дам пятнадцать фунтов.

– Пятнадцать фунтов?! За такого молодого, крепкого, выносливого мятежника?! Э-э, дорогой, это несерьёзно...

– Это вдвое больше того, что я был намерен заплатить.

– Ай-я, посмотрите ещё раз: какой торс, какой рельеф, какие ресницы; уверен, он ещё и танцует у шеста, да! Тридцать фунтов – и то слишком дёшево, ваша честь.

– За такие деньги мне проще купить негра. Эти белые крысы быстродохнут в нашем гнилом климате, а жизни чёрных важны. Вы забыли?

Впечатлительный Питт всё это время стоял молча, держа язык за зубами. Кандалы и тюремная камера кого угодно научат не высовываться. Но Питера Блада буквально передёргивало от этой гнусной торговли людьми. А кареглазая красавица меж тем прогуливалась, болтая с губернатором, который прыгал около неё, глупо хихикая и рисуясь. Девушка, видимо, не совсем понимала,

какая мерзость здесь творится. Но может быть, подумал Блад, ей было абсолютно на всё начхать?

Меж тем полковник Бишоп повернулся на каблуках, собираясь уходить.

– Двадцать фунтов – и ни копейки больше. Это окончательная цена. Будете спорить с полковником милиции?!

Капитан Гарднер, поняв по его тону, что дальнейший спор действительно связан с серьёзным репутационным риском, мысленно обозвал ментов козлами, тяжело вздохнул и вынужденно согласился. Довольный собой, Бишоп двинулся дальше вдоль шеренги заключённых. Его выбор пал на одноглазого сорокалетнего мужчину гигантского телосложения по имени Волверстон, зачем-то потерявшего глаз в сражении при Седжмуре.

– Семнадцать фунтов за сутулого инвалида!

– Без ножа режешь, дорогой полковник, э-э?!

Постыдная торговля людьми началась снова.

Питер Блад в ожидании своей очереди всей грудью вдыхал незнакомый душистый воздух, насыщенный ароматами моря, песка, кампешевого дерева[10 - Дерево из семейства бобовых, встречается в Центральной и Южной Америке. Экстракт из его древесины применяется как в медицинских целях, так и для окрашивания тканей. Кстати, и ещё много для чего. Гугл вам в помощь...], ямайского перца, бананов, рома, интима и душистого кедра. Душа доктора парила в неземных высях...

Медленно двигаясь вдоль шеренги мятежников, плантатор поравнялся с Бладом и прошёл бы мимо, если бы девушка не коснулась своим хлыстом плеча доктора.

– Вот тот человек, которого я хотела, – уверенно сказала она.

– Этот бледный дрыщ?!

Полковник было развернулся, но тут вмешался капитан Гарднер:

– Не факт, дорогой, не факт! Он, может быть, и тощ, но зато вынослив. Когда половина арестантов валялась, притворяясь больными, этот ара ходил на своих двоих и ещё лечил каторжников за мой счёт. Пятнадцать фунтов давай за него, полковник! Мамой клянусь, дешево отдаю!

– Купите его всего, – продолжала давить красавица.

Губернатор Стид счёл своим долгом «тонко» пошутить:

– Уступите же вашей племяннице, полковник. Женщина с первого взгляда определяет для себя настоящего мужчину! Как можно отказать ей в её хотении?

Он от души рассмеялся, весьма довольный своим ослоумием. Но смеялся он один. На лице красавицы было написано: «Господи, какой debil...», а Бишоп был слишком занят торгами, чтобы обращать внимание на туповатый юмор губернатора. Он кусал губы и скрёб ногтями небритый подбородок.

– Хотите десять фунтов? – выдавил наконец сдавшийся полковник. – Но я требую скидку за опт!

Питер Блад молил небеса об insulte. Мысль о том, что он станет собственностью этого потного тупорылого животного, вызывала у него величайшее желание вытошниться прямо сейчас на сапоги покупателя. Но, увы, не во власти раба выбирать свою судьбу.

Так высокообразованный бакалавр медицины Питер Блад был продан хамоватому полковнику местной милиции за смешную сумму в десять фунтов стерлингов. И нечего тут выдумывать всякое...

Глава 5

Арабелла и дядя Бишоп

– Я не позволю вам тыкать в меня своей клистирной трубкой.

– Даже в медицинских целях?

...Солнечным утром, спустя, наверное, месяц после описываемых событий, мисс Арабелла Бишоп каталась верхом на лошадке. На почтительном расстоянии за ней бежали трусцой два негра-охранника. С тех пор как вампиров стали принимать в команды пиратских кораблей и они поочерёдно грабили все острова Карибского бассейна, личная охрана становилась жизненной необходимостью. Красавица Арабелла собиралась навестить жену губернатора: бедняжка в последнее время неустанно жаловалась на скуку, сплин, отсутствие хороших книг и беспрестанную зевоту.

На этом пути как раз и произошла очередная судьбоносная встреча тощего доктора и чернокудрой плантаторши. Она попридержала лошадь, а навстречу ей неспешным прогулочным шагом шёл смутно знакомый тип. Поравнявшись с девушкой, он почтительно снял широкополую шляпу и почесал было дальше, но...

– Стоять, бояться! Я откуда-то вас знаю?

Голос у девушки был трубный, но она искренне считала, что весь этот мир принадлежит ей, а потому не парилась по поводу приличий и условностей. Возможно, этим пофигизмом объяснялось то обстоятельство, что в свои двадцать пять Арабелла Бишоп не вышла замуж.

С мужчинами любого возраста она обращалась снисходительно, как с младшими братьями, что исключало любые намёки на полноценный интим. А может, её уже просто считали старой?

Увы, такие времена, апофеоз мужского шовинизма, ибо феминистки ещё не начали сжигать лифчики. Кстати, вроде и самих лифчиков ещё не было...

– Конечно, знаете. Любая хозяйка должна знать своё имущество, – низко поклонился мужчина.

– Вы – моё имущество? Блин, интересный поворот...

- Позвольте представиться: меня зовут Блад. Питер Блад, и я раб.
- Привет, Питер, – заученно, как на собраниях алкоголиков, откликнулась Арабелла.
- Моя цена – ровно десять фунтов, каковые ваш мерзопакостный дядюшка уплатил за меня как за раба для плантаций. Хотя, вообще-то, я врач.
- Ух ты, что, правда?
- Конечно!
- Без балды?
- Слово чести!
- Не может быть!
- Чётко, конкретно!
- Звездите!
- Нет, не звездю!

Питер не врал. Просто губернатор Сид, страдавший от подагры, позаимствовал раба-бакалавра у его владельца, и волею случая Блад реально помог массажем стоп толстячку, вопреки пиявкам двух других врачей, практикующих в Бриджтауне. Потом супруга губернатора пожелала, чтобы новый доктор излечил её от страха перед вампирами, которые «приползают ночью под окна и жутко орут-с...».

Понятно, что у старой дуры от скуки разыгралось воображение. Блад за шкуру выкинул из сада двух чрезмерно обнаглевших котов, и губернаторша легко убедила себя, что ей стало лучше. После этого полковник Бишоп пришёл к выводу, что для него куда выгоднее разрешить новому рабу заниматься своей профессиональной деятельностью, чем гнобить его с мотыгой на плантациях.

– Я должен бы сказать вам мерси-с, – Блад отвесил учтивый поклон, однако в его тоне как-то не особо чувствовалась благодарность.

– Издеваетесь? – прозорливо догадалась Арабелла.

– Ничуть! Если бы я достался другому плантатору, то сейчас валил бы сахарный тростник или собирал кукурузу.

– Тогда за что вы благодарите меня? Вас купил мой дядя, а не я.

– Полковник Бишоп не купил бы меня, если б вы не настояли.

– Плюньте, я просто пожалела вас. Мой дядя, наверно, кажется вам жестоким монстром? Но другие гораздо хуже его. Вот, например, Крэбстон из Спейгстауна, о нём вообще ходят слухи, что он, подобно вампирам, пьёт кровь своих рабов.

Блад немножечко смутился.

– Но ведь там были и другие люди, достойные сочувствия, – неуверенно пробормотал он.

– Дядя хотел поставить новое чучело на плантации. Вы показались мне вполне подходящим для этой цели.

– Это был комплимент? Пипетка без талона...

– Услышь это мой дядя, вас запороли бы плетьюми.

– Не прокатит, губернатор болен подагрой, а у его супруги расстройство психики.

Арабелла нахмурила бровки, казалось, борзеющий Блад начал её раздражать:

– Но как вы вообще попали сюда? Невинных у нас не сажают!

Тогда он кратко рассказал ей о том, что с ним приключилось.

– Боже мой! Какая подлость! – пылко воскликнула смуглая красавица, выслушав его. – Впрочем, рада, что вы неплохо устроились. АдIOS, амиго!

Арабелла тронула поводья и, не оборачиваясь, продолжила путь. Негры подтянули спортивные трусы и побежали за ней.

Пару минут Блад тупо стоял, задумчиво рассматривая изумрудно-синюю поверхность огромной Карлайлской бухты, облака, чаек и корабли, пришвартованные у набережной. Здесь действительно было в миллион раз лучше, чем в английской тюрьме, но всё равно это была тюрьма. С острова бежать некуда. То есть вообще.

Он повернулся и направился к жалким хижинам, сделанным из пальмовых листьев, грязи, соплей и веток. В них ютились рабы, с ними вместе жил и Блад. А вы рассчитывали на что-то другое? Увы, кто бы ему позволил расширить свои апартаменты...

Добрый доктор каждый день видел, как страдают эти люди. С восхода до заката они впахивали на сахарных плантациях под ударами кнутов жестоких надсмотрщиков. Одежда несчастных превратилась в лохмотья, они жили в грязи, как скот; их кормили такой дрянью, что уже целых четыре человека заболели и умерли, прежде чем заносчивый полковник позволил Бладу заняться их лечением, вспомнив до кучи, сколько он заплатил за живую силу.

...Первый же восставший раб был насмерть запорот плетью на глазах у всех. Ещё один, решившийся бежать, был пойман, и ему на лбу выжгли буквы «БК» – беглый каторжник. Не путайте с К&Б. В общем, несчастный умер от болевого шока, после чего уже полная безнадёга охватила большинство осуждённых.

Питер Блад невольно отматюкал мисс Арабеллу, уверявшую, что её дядюшка ещё не худшая тварь в сравнении с другими плантаторами. Но по крайней мере, он знал, что, пока у господина губернатора есть подагра и ещё более настырная и капризная супруга, ему не придётся рубить сахарный тростник, надрываясь под палящим солнцем и плетью надсмотрщика.

Позже, наверное, два-три раза Блад вновь встречал Арабеллу Бишоп, старательно обходя её стороной за километр. За всю свою богатую событиями жизнь он не встречал большего негодяя, чем её дядя, и опасался, что какие-то родственные пороки, к примеру безжалостная жестокость, маниакальная тупизна или ещё что-то, вполне могли перейти и к его племяннице.

...Но мы-то с вами знаем, что всё это пустые домыслы. Брат полковника, вдовец Том Бишоп – отец Арабеллы, был добрым и мягким человеком. С пятилетней дочкой приехал он на Антильские острова и стал вести жизнь плантатора. Преуспев в Новом Свете, он вспомнил о младшем брате – военном, довольно глупом, вздорном и жестоком человеке. В непонятной заботе о нём он перевёз его на Барбадос и с какого-то хрена берёзового сделал совладельцем плантаций.

Именно благодаря полному доверию со стороны отца маленькая Арабелла росла самостоятельным ребёнком с независимым характером, умела ездить верхом, стрелять на взлёт, брала у отставных матросов уроки профессионального бокса и читала запрещённые, не по возрасту, книги. В целом они с папой отлично ладили, гуляя вдоль побережья и болтая обо всём подряд.

А несколько лет спустя Бишоп-старший скоропостижно умер, оставив пятнадцатилетнюю дочь на попечение своего единственного брата. Естественно, в отношениях между дядей и племянницей не было ни сердечности, ни теплоты. Однако номинально она была его компаньоном, поэтому ему приходилось с ней считаться. Да и куда бы он на фиг делся...

...Так вот, в самом конце мая при воистину гнетущей жаре в Карлайлскую бухту медленно втащился побитый английский корабль «Прайд оф Девон». В его бортах зияли многочисленные пробоины, на месте рубки чернела большая вырванная дыра, а от бизань-мачты торчал, словно окуроч, жалкий обрубок с зазубренными краями. По словам капитана, они вдруг встретили два корабля вампиров под кастильским флагом у берегов Мартиники, и те якобы навязали ему неравный морской бой. Капитан божился Христом-богом, что он лишь оборонялся. Но никто особенно не верил, что это были вампиры...

Один из «вампирских» кораблей ушёл, и если «Прайд оф Девон» не преследовал его, то лишь потому, что потерял скорость. А вот второй «вампирский» корабль они потопили после того, как сняли большую часть находившихся на нём ценностей. По факту это была обычная пиратская история, в которой британцы и

испанцы с поочерёдным успехом грабили друг друга, одновременно жалуясь на «вампиров» во все международные инстанции.

Губернатор Сидд, как и любой из губернаторов южных колоний английского короля, да по совести вообще как ЛЮБОЙ чиновник ЛЮБОЙ страны, всегда имел свою долю с каждого такого рейдерского захвата. Поэтому корабль «Прайд оф Девон» получил убежище в порту и всё, что требовалось для починки судна.

Почти половина высадившегося экипажа была ранена. С собой они привели ещё и шестерых захваченных испанцев. Якобы пленников тех самых «вампиров». Всех раненых разместили в одном длинном сарае на пристани, но если о британских моряхах заботились два авторитетных местных врача, то на испанцев кинули Питера Блада. Во-первых, он хорошо владел их языком, а во-вторых, он был раб, поэтому если кто-то из них действительно окажется вампиром, то раба-то и не жалко...

Если кто помнит, то после двух лет «отдыха» в испанской тюрьме доктор искренне ненавидел всех сынов солнечной Кастилии, но тем не менее всё равно честно исполнял свой врачебный долг и лечил всех. Раненые испанцы, искренне изумлённые, что их не повесили и не расстреляли без разговоров, вели себя смиреннейшим образом. А это уже крайне бесило англичан...

Питер Блад перевязывал испанского моряка, когда сзади раздался хриплый голос:

– Ты что здесь делаешь, грязная скотина?!

– Пью кофе с вафельками и шоколадом, – не оборачиваясь и не прекращая перевязки, буркнул Питер.

– Что ты несёшь, тупой идиот?! – над доктором выросла массивная фигура полковника. – Ты же лечишь этого безбожного испанца!

– Вас не обманешь, – равнодушно подтвердил Блад.

– Конечно, не обманешь, я же всё вижу! Кто тебе это позволил, подлец? И прекрати свою дурацкую возню с этим мерзавцем, когда с тобой говорит хозяин!

– Ничего не знаю, приказ губернатора! Вон, кстати, он машет вам платочком.

Жёлтое лицо полковника побагровело от ярости.

– Я ему этот приказ сейчас засуну в... – неопределённо пообещал он и, потрясая кулаками, зашагал в другой конец сарая.

Питер самодовольно усмехнулся. Бишоп, конечно, бушевал и неистовствовал, топая ногами и наливаясь краской, однако маленького толстячка не так-то легко было запугать.

– Да, это я лично распорядился, чтобы этот ваш Блад занимался ранеными испанцами. Когда меня отпускает подагра, то накрывает безбрежное человеколюбие. А что не так-то?

В ярости, не поддающейся описанию, Бишоп о колено сломал трость и в слезах обиды выбежал из сарая. Испанцы по-тихому показывали ему вслед невежливые английские «факи»...

На другой день жёны и дочери богатых плантаторов придумали себе новое развлечение: они припёрлись на пристань с подарками для раненых моряков. Дело было, разумеется, не в христианском милосердии, а просто в банальной скуке. На острове не так уж много культурных развлечений (да если честно, с ними вообще беда!), а тут хоть какой-то повод собраться женским коллективом, пройтись, показать наряды, раздать (настучать) всем по банану...

Все подарки от присутствующих дам доставались английским морякам, это логично. Но вдруг доктор, к своему удивлению, отметил, что какая-то девушка положила пару бананов и пучок сочного сахарного тростника на соломку перед одним из испанцев. Её сопровождал негр, тащивший на своём горбу большую корзину даров.

Питер Блад, потный, мокрый, без камзола, в одной рубашке с засученными до локтей рукавами и с кровавыми бинтами в руках, уставился на беззаботно улыбающуюся Арабеллу Бишоп.

– Чисто между нами, не то чтобы я позволял себе вас учить, мисс, но, между прочим, этот раненый – испанец, – честно предупредил он, словно пытаюсь исправить возможное недоразумение.

Улыбка, словно кожа, сползла с лица Арабеллы. Её лицо приняло надменное выражение.

– Я в курсе, – протянула она, – но мне почему-то кажется, что он тоже человек.

Столь явный упрёк в адрес Блада поразил его в печень.

– Ваш дядя придерживается иного мнения, – осторожно заметил он. – Полковник Бишоп считает этих раненых кастильскими вампирами, которых надо вешать, а не лечить.

– А я что, обязана думать так же, как и мой дядя?! – в голосе девушки прозвучала сталь, а в карих глазах сверкнула искра гнева.

– О нет, нет! – тут же врубил заднюю Питер Блад. – Но если полковник узнает, что вы тут раздаёте пасхальные подарочки испанцам...

Арабелла попёрла на него грозно вздымающейся грудью, уже с трудом сдерживая гордое, праведное возмущение:

– Ага, значит, сначала вы приписываете мне жестокость, потом трусость. Какого вы... вообще до меня докопались? Я что, рыжая?!

– Нет.

– Тогда отвалите и не мешайте мне творить что хочу! В данном случае – милосердие.

Бладу на миг показалось, что только сейчас он вдруг впервые понял Арабеллу.

– Простите, но как я мог знать... что племянница полковника Бишоп – ангел? Уверен, за вашей спиной скоро раскроются огромные крылья и...

– Огромные? То есть обычные мой вес не поднимут? Типа я ещё и толстая, да?! – Наклонившись над корзиной, которую таскал за ней взмыленный негр, Арабелла достала связку бананов и с размаху надела её на неразумную голову Питера Блада, после чего спокойно продолжила распределять фрукты и сладости между ранеными испанцами.

Однако одному из английских моряков это, видимо, показалось обидным:

– Мисс, а вам не кажется, что кормить испанцев – это всё равно что подбрасывать дрова в топку дьявола?

Спокойно опустив руку в корзину, Арабелла достала двустольный пистолет и, наставив его в грудь моряка, взвела курок.

– Я дурак, мисс! Был не прав, мисс! Я полный идиот, мисс, товарищи подтвердят!!!

Племянница полковника Бишопа медленно кивнула, убрала оружие и, высоко подняв голову, удалилась, не удостоив никого даже взглядом.

Питер с бананами на голове молча глядел ей вслед.

– Какая женщина, синьор доктор, – завистливо прошептал раненый испанец, – быка на бегу остановит, в горящий Толедо войдёт!

Но тот лишь отмахнулся, молча сунув раненому в рот нечищенный банан. Питер был удивлён тем, что даже мысль о гневе Арабеллы причиняет ему беспокойство. Вчера он бы этого, наверно, не заметил, но сегодня перед ним раскрылся её подлинный характер.

– Укуси меня вампир, – напряжённо бормотал Блад, пытаясь оправдать себя. – Кто бы поверил, что семья, взрастившая такого гнусного мерзавца, как Бишоп, вдруг родила и такую звезду милосердия, как Арабелла?

Бежим по плану

С этого времени Арабелла Бишоп просто из принципа стала ежедневно посещать госпиталь на пристани. Вопреки всему она приносила испанским пленникам фрукты, а потом даже деньги и одежду, то есть тащила из дома всё и транжирила как могла. Девушка дожидалась, когда из барака свалит Блад, и только после этого творила добро.

Впрочем, пациенты ирландца один за другим поднимались на ноги, и это немало способствовало росту популярности молодого доктора среди жителей Бриджтауна.

Тем паче что раненые англичане, которых лечили местные врачи – Вакер и Бронсон, наоборот, успешно переселялись на кладбище. Горожане быстро сделали из этого свои выводы, и у Питера Блада прибавилось работы, а у полковника Бишопа доходов. Ну вы же не думали, что раб вправе класть свою зарплату себе же в карман?

Однако следствием данного успеха явился некий тайный план, выношенный островными эскулапами и повлёкший за собой столько важных событий...

Однажды, явившись на пристань раньше обычного, Питер Блад едва не столкнулся нос к носу с Арабеллой Бишоп, спешно удирающей из госпиталя. Он снял шляпу и поклонился, уступая ей дорогу, но девушка, гордо подняв голову, обошла его с фланга.

– Ну, мисс Арабелла-а! – умоляюще простонал Блад. – Чего сразу-то?!

Красавица сделала вид, что только сейчас заметила доктора.

– Ах, это вы, воспитанный джентльмен! Предупреждаю, я умею боксировать.

– Вы издеваетесь надо мной, – сказал он с подчёркнутым смирением. – Ну да, я, конечно, только раб... но вдруг вы когда-нибудь заболаете...

– Это угроза?

– Допустим.

– И что же?

– Как я смогу лечить вас, если вы считаете меня последней сволочью...

– Разве вы единственный врач в Бриджтауне?

– Нет, но уж точно самый безвредный из них!

Арабелла бросила на него надменный взгляд:

– Даже не мечтайте подкатить ко мне со своей клизмой!

– А если в медицинских целях?

Не удостоив его ответом, красавица круто повернулась и быстро пошла вдоль пристани.

Блад долго смотрел ей вслед, затем сокрушённо пожал плечами:

– Да что ж такое, укуси меня вампир! Либо она мегера, либо я болван! Пожалуй, и то и другое в равной пропорции...

И вот тут к нему тихохонько подкрался Вакер, один из двух других врачей Бриджтауна.

Блад не особо удивился, хотя обычно местные врачи старались в упор не замечать залётного лекаришку, избегая даже до сухого приветствия.

– А давайте я немного провожу вас, – любезно улыбнулся доктор Вакер, приземистый, сухонький тип лет сорока пяти, с обвислыми щеками и тусклыми голубыми глазками.

– Я иду в дом губернатора, – ответил Блад.

– Да? Наверняка лечить супругу губернатора? – многозначительно хихикнул Вакер. – Что ж, молодость и привлекательная внешность, доктор Блад, всегда дают врачу огромное преимущество, когда он лечит дам-с! Хи-хи.

Питер пристально взглянул на Вакера:

– Я обещаю уточнить этот момент у губернатора Стида. Быть может, его позабавят ваши пошлые фантазии.

– О нет! Право, это лишнее, дорогой друг! – поторопился исправиться похабник Вакер. – Я лишь хочу помочь вам!

– Неужели?

– Да, да, да! – голос врача понизился до шёпота. – Ведь рабство должно быть очень неприятно для такого талантливой человека, как вы.

– Какая пронизательность! – искренне всплеснул руками Блад. – А для кого оно приятное?

Доктор Вакер окинул взглядом пустынную пристань и продолжил вкрадчивым голосом:

– Хотите слинять? Я не раз наблюдал за вами, когда вы тоскливо всматривались в морскую даль. Мир велик, и кроме Англии есть ещё много стран, где такого врача всегда тепло встретят. – Он ещё раз оглянулся по сторонам и продолжил заговорщицким тоном: – Вы в курсе, что здесь рядышком находится голландская колония Кюрасао? Там нет вампиров, и туда вполне можно добраться даже в небольшой лодке. Кюрасао может стать для вас неким мостиком в огромный мир, который откроется перед вами, как только вы скинете цепи рабства!

Блад молчал, размышляя, не дать ли провокатору по башке и сдать властям за склонение рабов к побегу. Но, подумав, решил прощупать доктора:

– До берегов Кюрасао не добраться вплавь. У меня нет хорошей шлюпки, нет оружия и нет денег, а для такого путешествия их требуется немало.

– Разве я не сказал, что хочу быть вашим спонсором? – патетично воскликнул Вакер.

– С какого перепоя-то?!

Доктор Вакер, закатив глаза, стал пространно врать, как обливается кровью его сердце при виде коллеги, изнывающего в рабстве и лишённого возможности применить к больным весь спектр своих чудесных способностей. Но Питер Блад сразу выделил истинную причину: врачи-прохиндеи любым способом желали отделаться от молодого конкурента!

– Это весьма благородно с вашей стороны, – произнёс он, делая вид, будто искренне верит во всю эту башню, – братство медиков рулит миром! Но каковы ваши предложения?

В глазах Вакера мелькнула радость:

– Значит, вы согласны?

– Ничего подобного, – жёстко отрезал Блад. – Если меня не сожрут вампиры, а остановит первый же английский бриг, то они притащат мою задницу обратно и украсят мой лоб клеймом! Я уж лучше пострадаю тут, при губернаторе и его жене. Кроме того, для побега нужна шлюпка, то есть фунтов двадцать вынь да положь. Ну и дорожные расходы: зубная щётка, пиво, чипсы, то да сё...

– Деньги не проблема! – кинулся заверять Вакер. – Считайте это дружеским займом, который вы нам вернёте... вернёте мне, когда сможете. Почтовым переводом!

Теперь у Питера не было и тени сомнения, что Вакер действовал на пару со вторым врачом, Бронсоном.

– Вы приоткрыли мне двери надежды, коллега!

Вакер разулыбался, по уши довольный успешными переговорами, за которые, вообще-то, ему самому не миновать бы виселицы.

Распрощавшись с хитровыделанным местным врачом, Блад прежде всего решил посоветоваться с Джереми Питтом. Всё-таки именно он был профессиональным моряком, а пускаться в неведомое плавание до Кюрасао без опытного штурмана было бы по меньшей мере неразумно. Да и просто глупо, честно говоря!

Задолго до темноты Блад вернулся, как и положено, к хижинам рабов.

– Когда все уснут, приходи ко мне, – шепнул он шкиперу Питту.

– Питер, прости, я не такой...

– Да не в этом смысле, дубина!

– А то Бишоп вечно намекает...

– Я не он, мне просто поговорить.

Молодой человек удивлённо посмотрел на Блада.

За полгода жизни на плантациях Барбадоса молодой моряк научился выживать, несмотря на постоянный голод, усталость, изнуряющую работу под жаркими лучами тропического солнца и жестокую плеть надсмотрщика. Отчаяние медленно превращало его в тупое животное...

Ночью, когда доктор рассказал о тайном предложении врачебной мафии, молодой человек словно обезумел.

– Бегство! О боже! Хочу!!! – задыхаясь, он схватился за голову и зарыдал, как ребёнок.

– Тише! – зашептал Блад, сжимая горло Питта. – Нас же запорют насмерть, как двух вампиров, если узнают, о чём говорим. А уши тут греют многие...

Все осуждённые давно спали, но поблизости мог оказаться какой-нибудь слишком бдительный надсмотрщик, и бывший шкипер постарался взять себя в руки.

В течение часа или двух в хижине слышался едва внятный шёпот. Надежда на освобождение развернула паруса. Друзья решили, что для участия в задуманном предприятии следует привлечь человек восемь-девять, не больше. Из двух десятков ещё оставшихся в живых повстанцев можно было доверять далеко не всем.

Было бы хорошо найти тех, кто знает море, но таких было всего двое – Хагторп, служивший в королевском военно-морском флоте, и младший офицер Николас Дайк. Ну, быть может, ещё один старый артиллерист по имени Огл также мог пригодиться по ходу дела. После недолгих споров они договорились, что Питт начнёт с этих трёх, а затем, возможно, завербует ещё человек пять-шесть. Больше в шлюпку не поместится.

– Главное, не выдай себя, иначе ты погубишь всех! Ведь ты единственный штурман среди нас, и без тебя мы потонем на фиг...

Обнадёженный Джереми Питт прокрался в свою хижину и рухнул спать под весом грядущих перспектив счастливого избавления от рабства. Дело пошло-поехало...

На следующее утро Блад тайно встретился на пристани с Вакером. Доктор торжественно вручил ему «взаймы» двадцать фунтов стерлингов, необходимых для приобретения шлюпки. Блад почтительно поблагодарил, взвешивая кошелёк с наличными.

– Но мне нужны не деньги, а шлюпка. Кто осмелится продать её мне, рабу и осуждённому каторжнику?

Доктор Вакер в раздумье поскрёб небритый подбородок:

– Ну, не мне же самому приобретать для вас шлюпку! Это сразу станет известно всем. Моё участие повлечёт за собой тюремное заключение, штраф в двести фунтов и ещё, быть может, даже плети... вы понимаете?!

Надежда, горевшая в душе Блада, потускнела, но кошелёк он сунул за пазуху.

– Тогда к чему мне ваши деньги?

– Не спешите отчаиваться, – произнёс Вакер, и по его тонким губам скользнула хитрая ухмылка, – пусть человек, который купит шлюпку, едет с вами. Типа вы взяли его в плен! Я понятно выражаюсь?

– И кто же согласится бежать с острова?!

– Да тот же доктор Бронсон, – шёпотом пояснил Вакер. – У него тут куча проблем: алименты, долги, невыплата по кредитам, задолженность за ипотеку. Уверен, он с радостью удерёт отсюда.

– Но если он явится к кому-то покупать шлюпку, то возникнет вопрос, откуда этот нищеврод взял такую сумму?

– Ничего не знаю, он вечно где-то выклянчивает. Верните деньги!

– М-м?

– Всё прокатит, – доктор Вакер с такой лёгкостью подставлял своего коллегу, словно намеревался махом избавиться от обоих конкурентов, – давайте вечером встретимся с Бронсоном, обсудим детали втроём, и всё утрясётся. Отдайте уже мои деньги, безумец!

В результате переговоров они с Питером едва не подрались, но Блад вынужденно признал необходимость вечерней встречи. Если бы только он знал, что там произойдёт...

Хагторп, Дайк и Огл согласились бежать, как и ещё пять человек, тщательнейшим образом отобранные из бывших повстанцев. Со страхом и нетерпением будущие участники побега ждали приближения заката, на фоне которого должна была решиться их судьба.

...Вечером, убедившись, что надсмотрщики отправились пьянствовать в отдельный домик за хижинами рабов, Блад осторожно ускользнул в лесок близ полей сахарного тростника, где его должны были ожидать врачи-заговорщики. Ждать пришлось недолго.

– Дорогой друг, – громко раздалось за спиной ирландца. Вакер был неожиданно воодушевлён и, казалось, совершенно не соблюдал мер предосторожности. – А я тут давно. И не один.

– Счастлив за вас, – сухо откликнулся Питер, – но, кажется, мы собрались здесь ради другой цели?

– О да! Вы ведь привели с собой своих товарищей?

Бладу не очень понравился сам тон, которым был задан этот, в общем-то, вполне безобидный вопрос. Он быстро повернулся на каблуках, встретившись с холодным взглядом второго врача.

Бронсон молча стоял в тени, лунный свет не касался его, руки почему-то нервно вздрагивали. На первый взгляд казалось, что он просто слишком взволнован. И, согласитесь, причина была достаточно серьёзной: бедолаге предстояло участие в побеге с острова в компании осуждённых каторжан. О том, что им всем грозит в случае поимки, не хотелось даже думать...

– Почему вы один? – продолжал домогаться Вакер. – Вам не удалось никого склонить к нашему мероприятию? Вы не доверяете нам или в чём-то подозреваете?

– До этого момента – нет, – Питер глубоко вздохнул, запрокинув голову к бескрайним россыпям южных звёзд, – но сейчас меня вдруг страшно заинтересовал один вопрос: почему все ваши пациенты умирают?

– Ответ очевиден, – едва ли не рассмеялись оба врача.

– Укуси меня вампир, – пробормотал прозревший ирландец, чем вызвал ещё более откровенный взрыв смеха. Но уж теперь, по крайней мере, была абсолютно ясна причина, по которой Бронсону требовалось срочно покинуть Барбадос.

Его клыки были слишком выдающимися и в лунную ночь буквально выползали изо рта. У второго врача эта проблема ещё не встала в полный рост, Вакер наверняка мог протянуть ещё с год или даже больше. Всё зависело от того, как

часто он будет утолять свой голод человеческой кровью и сможет ли контролировать себя, скрывая свою истинную сущность.

– Право же, очень жаль, что вы пришли один. Мы с другом рассчитывали сразу же выяснить имена тех, кто склонен к побегу. Полковник просто обожает избивать их лично, несчастные после порки остаются без охраны. Бывает, они умирают от кровопотери в ту же ночь...

– А к тем, кто чудом не умер, вызывают врачей. То есть вас.

– Он очень умен, я же говорил, – Вакер кивнул своему молчаливому товарищу, – от него надо было избавляться ещё раньше. Жаль, что рабы Бишопы всегда такие худосочные, но надо же хоть с чего-то начинать...

Однако если пара медиков рассчитывала вдвоём завалить жилистого ирландца, то они плохо знали Питера Блада. Понаблатыкавшийся по тюрьмам и войнам, он ни за что не выходил ночью без скальпеля в рукаве и знал, когда следует бить первым.

– Попишу всех, волки позорныя-я!

Драка была короткой, но яростной. Отчаянный ирландец, которому нечего было терять, полосовал противников с бешенством обречённого зверя. Хирургический скальпель в его опытных пальцах мелькал, словно стальной шершень, быстро окрасившись чёрной вампирской кровью. Но надо признать, что и у островных врачей за плечами был немалый опыт убийств. К тому же двое всегда сильнее одного. В какой-то момент Блад не удержал равновесие и...

– Кто первый? – сипло спросил Вакер, удерживая жертву за плечи. – Вы или я, коллега?

Бронсон не успел ответить, поскольку в ту же секунду его голова была отсечена одним ударом мачете для рубки тростника. Одноглазый гигант Волверстон протянул руку, помогая собрату по каторге встать на ноги. Второй врач, невзирая на полученные скальпелем раны, пытался удрать, но был забит мотыгами Питта, Дайка и Огла.

– Я же... не велел вам... приходить!

– Мы волновались за тебя, Питер, – улыбнулись члены его будущей команды.

И Блад, проклиная собственную доверчивость вкупе с фальшивыми идеями медицинского братства, вдруг впервые понял, какой подарок ему вручила судьба. Что есть люди, которые поверили ему, которые готовы идти за ним до конца и драться вместе, как один! И теперь вопрос их побега стал актуален как никогда.

Ну а что им оставалось? Двое официальных островных врачей убиты. Даже если следствие (в лице того же полковника Бишопа) покажет, что они почти уже стали вампирами, всё равно ведь за это кто-то должен ответить. А кто, если не рабы? Ведь на рабов можно повесить что угодно, прежде чем повесить их самих...

– Так, парни, давайте хоть прикопаем их, что ли?

Глава 7

Пираты-с?

...Да, повозиться в ту ночь пришлось изрядно. К тому моменту, когда надсмотрщики стали выгонять в поля рабов, маленькая банда Блада в целом успешно справилась со своей задачей: оба врача-вампира были аккуратно и глубоко закопаны в песчаную почву, свежие холмики разровнены, а поверх каждого ещё набросано пальмовых листьев. Вроде и непонятно, что тут кто-то похоронен, но всё равно дань уважения ощущается...

Волверстон, Огл и Дайк успели уйти вовремя, когда зоркий взгляд Питера Блада отметил выезжающего из-за лесочка полковника в компании двух вооружённых негров. Доктор сразу понял, что объяснить столь раннее randevu двух бывших мятежников, его и Джереми, ему будет трудновато. Пришлось выкручиваться на ходу.

– Так, нам надо срочно поссориться. Быстро и страстно, как супруги!

– Питер, я уже говорил, мы не можем быть вместе, потому что...

– Укуси меня вампир, ты притворяешься дураком или таким родился?! – гневно рывкнул Блад. – Не трать время, они скоро будут здесь!

– Свидетели?

– Боже мой, ну не тупи, ради бога! Вот если сейчас Бишоп увидит нас вместе, ты что ему скажешь, болван?!

Молодой шкипер в драных штанах на мгновение потерял дар речи, а потом вдруг вспыхнул:

– Да я вообще уже жалею, что связался с вами! Говорила же мне мама...

– Ты первый начал!

– Когда?

– А кто припёрся за мной на лошади?

– А в глаз?!

– Кстати, да, – неожиданно согласился находчивый доктор, – я тебе сразу это предлагал. Дай-ка мне по морде разок.

– Кулаком?

– О нет! Как ты мог такое подумать?! Лопатой, разумеется!

Джерemi, не задумываясь, махнул сельскохозяйственным инструментом от всей души и...

Хитрый ирландец отлетел шагов на пять, едва не сбив выезжающего из-за густых зарослей полковника Бишоп в камзоле из светло-коричневой тафты. Его сопровождали два негра, одетые в бумажные труселя и вооружённые абордажными саблями.

– Что это значит, чёрт вас побери?! – взревел плантатор, тыкая сапогом под рёбра демонстративно терявшего сознание Блада. – За что ты, подлец и мерзавец, ударил моего врача, скотину и негодяя?

Питт невольно поднял лопату, и полковник вовремя вспомнил о двух неграх, идущих за ним по пятам, словно сторожевые собаки. Бишоп не появлялся на плантации без телохранителей с тех пор, как пару лет назад один невольник, укушенный вампиром, бросился на него и чуть не загрыз.

– Чего встали, чёрные обезьяны?! Взять эту белую свинью! – закричал Бишоп, и молодой шкипер тут же оказался в окружении.

Раздуваясь от жары и ярости, Бишоп сделал шаг вперёд, размахивая новой бамбуковой тростью.

– За что ты его ударил? – злобно спросил он.

Питт стоял молча, опустив голову. Он тщетно пытался придумать какое-нибудь удовлетворительное враньё, но поскольку они не успели договориться заранее, то с языка рвались лишь матерные проклятия в адрес успешно отползающего доктора.

– Отвечай, скотина! Как часто ты распускаешь руки, подлец? – и, не дожидаясь ответа, полковник бросился лупцевать парня бамбуковой тростью. – Молчать! Язвить? Грубить? Иронизировать?! Вот тебе ещё, негодник! Вот ещё, и ещё, и ещё...

Удары сыпались один за другим.

– Ну, как тебе такое, собака?!

– Не бейте меня, я боюсь щекотки...

– А-а-а!.. Ты ещё дразнишься, сволочь?! Решил со мной пошутить? Ты думаешь, что тебе всё можно, грязный щенок?!

Для того чтобы привести полковника Бишоп в бешенство, требовалось пять секунд, и Джереми, не выдержав дикой боли, бросился на своего мучителя, так успев разок приложить полковника лопатой по голове. Высокая шляпа и толстый парик смягчили удар, но лицо Бишоп покрылось пятнами, а глаза на минуту съехались к переносице. Тем временем негры схватили Питта, скрутили ему руки назад и связали верёвками.

– ...зять е...о! – просипел хозяин плантаций.

Негры вежливо переспросили, где тут чей зять. Полковник покрыл их грязными африканскими ругательствами, и несчастного шкипера поволокли по длинной дорожке меж золотистых стен тростника. Его провожали сочувствующие взгляды запуганных невольников.

Но, поверьте, на тот момент Питта не заботили собственные мучения; он был счастлив уже тому, что их с Бладом план сработал. Доктору под шумок удалось сбежать, а полковник Бишоп был сейчас так занят, что совершенно не обратил внимания на две скромные малозаметные свежие могилки...

Сам же Питер Блад, прекрасно понимая, что его друг может пострадать, решил было развернуться на полпути, дабы, вернувшись, скормить полковнику какую-нибудь наскоро слепленную историю о том, что его срочно ждёт губернатор, что на город напали вампиры, что котики всё уронили, но невольно задержался по пути. А причиной задержки оказалась всё та же роковая красotka Арабелла Бишоп.

Они встретились на краю плантаций сахарного тростника. Питер Блад очень спешил, но, на его беду, у милой Арабеллы в этот день было просто прекрасное настроение.

Увидев Блада, она нежно улыбнулась ему, кокетливо заметив:

– Кажется, уже целый месяц прошёл со дня нашей последней встречи.

- Точнее говоря, двадцать один день. Я считал их. Мне пора!
- А я уже начала думать, что вы умерли, – она цапнула убегающего доктора за рукав.
- Жизнь – это затяжная болезнь. Замечали, чем она обычно кончается?
- Фигня! Расскажите лучше, где вы так наострились болтать по-испански?
- О, это просто, я два года просидел в испанской тюрьме.
- Вы ещё и вор в законе? – восторженно распахнула ротик Арабелла.
- Меня взяли ни за что, улики были сфабрикованы, судья подкуплен, – торопливо выкрутился Питер. – И вообще-то, я состоял на службе во французской армии.
- Но ведь вы врач!
- Это побочное занятие. Оказывается, Господь Бог уважает профессию солдата больше, чем труд медика. Но это очень длинная история, а ваш дядюшка давно ждёт меня. Можно я уже пойду?

Однако Арабелла всегда была полна решимости дослушать до конца любую историю. Блад вздохнул и сдался. Потом даже разговорился, размяк, увлёкся и не заметил, как летит время.

Проходящие мимо надсмотрщики не скрывали своего удивления при виде раба-доктора, столь непринуждённо беседующего с легкомысленной племянницей своего хозяина. Что же касается Питера и Арабеллы, то в это утро они совершенно не замечали окружающих. Ну, быть может, пару раз посылали самых невежливых в пень!

– Сожалею, что не знала всего этого раньше, – на прощание девушка подружески обняла Блада, а в её карих глазах блеснули слёзы. – Жизнь очень сурово обошлась с вами.

– Могло быть и хуже, – мурлыкнул Блад, взглянув на неё так пылко, что на щеках Арабеллы вспыхнул румянец. – А сейчас... я думаю, мне даже повезло...

Прощаясь, Блад нежно поцеловал её руку. В ту минуту он уже не помнил, что был невольником, осуждённым на десять лет каторги; не знал, что его друг в беде; не понимал, что план их бегства окончательно провалился. Сейчас ему всё это было фиолетово и параллельно...

...Меж тем молодого шкипера волоком тащили на открытую площадку у обрыва, откуда хорошо была видна Карлайлская бухта. Питт бросил прощальный взгляд на качающиеся в прибрежных волнах чёрные шлюпки. Ведь если бы их не обманули два медика-вампира, то на одной из них они могли бы уже ночью плыть за горизонт...

А там, подгоняемый лёгким бризом, чуть играющим на сапфировой глади Карибского моря, величественно шёл роскошный красный фрегат под английским флагом. Полковник Бишоп остановился, попытавшись сфокусировать взгляд и щурясь от солнца, и помахал кораблю шляпой.

Несмотря на слабенький ветерок, судно медленно входило в бухту только под нижним парусом на передней мачте. Остальные паруса были свёрнуты, открывая взгляду внушительные очертания корпуса корабля – от возвышающейся в виде резной башни высокой двухэтажной надстройки на корме до шаловливой позолоченной женской головки на форштевне, сверкавшей в ослепительных лучах южного солнца.

Пока полковник с интересом рассматривал новый корабль флота его величества короля Якова, пытаясь понять, почему о судне не предупредили заранее, бедного парня заковали в колодки. Это пыточное приспособление средневековья, сколь простое, столь же эффективное, всегда стояло наготове для восставших рабов, забывших о повиновении...

Сюда же неторопливой, неровно покачивающейся походкой, свидетельствующей, что удар лопатой не прошёл даром, подошёл полковник Бишоп.

– Непокорная псина, которая дерзнула скалить клыки на своего хозяина, должна расплачиваться своей исполосованной шкурой, – сказал он, с наслаждением приступая к исполнению обязанностей палача, – ты ещё будешь благодарить меня за обучение хорошим манерам, дьявольское отродье!

Рыча от дикого наслаждения, он кинулся избивать свою беззащитную жертву, открыто удовлетворяя свою тайную страсть к садизму.

От ударов по голове и спине Питта гибкая трость расщепилась на длинные гибкие полосы с острыми, как бритва, краями. Брызги крови так и летели во все стороны! Когда полковник, обессилив, отбросил в сторону измочаленную трость, вся спина несчастного невольника представляла собой кровавое месиво.

– Это научит тебя вежливости и покорности, гадёныш! – тяжело дыша, сказал палач-полковник. – Ты останешься в колодках без пищи и воды – слышишь, змей: без пищи и воды! – до тех пор, пока не согласишься раскрыть мне причину вашей драки! Я полковник милиции! И ты всё мне скажешь, сучонок!!!

Плантатор повернулся на каблуках и ушёл, забрав чёрных телохранителей.

Питт едва ли что слышал. Сознание практически оставило его, истерзанного страшной болью, отчаянием и безнадёжностью. Ему было уже всё равно, жив он или нет. Но если несчастный думал, что всё позади, то он жестоко ошибался...

Новые страшные муки вывели его из состояния тупого оцепенения, вызванного болевым шоком. Колодки стояли на открытой площадке, ничем не защищённые от палящих лучей тропического солнца, которые обжигали изуродованную, кровоточащую спину. К этой нестерпимой боли быстро прибавилась и другая: жадные чёрные мухи Антильских островов, привлечённые запахом свежей крови, тучей набросились на него!

Рискуя переломать себе руки и ноги, молодой моряк кричал, бился, корчился и извивался в колодках. От нечеловеческих мук он уже просто терял разум...

Таким его и нашёл запыхавшийся Питер Блад, который очень вовремя появился из ниоткуда с большим пальмовым листом в руках. Отогнав мух, он накрыл листом спину друга, защищая её от назойливых насекомых и палящего солнца. Усевшись рядом, Блад обмыл его лицо холодной водой из фляжки, стирая грязь

и кровь.

– Пить! Ради бога!

Доктор осторожно поднёс к дрожащим губам несчастного флягу. Молодой человек жадно припал к ней, едва не откусив зубами горлышко.

– Спокойствие, Джереми. Я пока закрыл тебе спину, хуже не будет. Но, укуси меня вампир, как ты вообще дал этому грязному чудовищу Бишопу повод чуть не убить тебя?!

Едва ворочая языком, Питт, задыхаясь, поведал другу обо всём случившемся.

– Я буду валяться и гнить здесь... пока не скажу ему... почему мы дрались...

Блад вскочил на ноги, и глухое рычание вырвалось из его горла.

– Будь проклят этот подлый рабовладелец! – в голос заорал он, уже не боясь, что их услышат. – К чёрту в задницу весь этот остров! Этой же ночью мы просто украдём шлюпку и бежим, а ты вместе с нами.

– Нет, Питер, мы не сможем бежать... – прошептал избитый мученик, – полковник будет искать тебя... нас... и мы все умрём...

...Огромный красный корабль к этому времени уже приблизился к берегу и сейчас медленно входил в бухту. Блад видел сверкание боевых медных пушек, установленных на носу корабля, и даже различал фигуру матроса, готовившегося бросить лот, около передней якорной цепи с левой стороны судна. Море всегда манило его, и вид такого прекрасного корабля вызывал сладкую зависть в сердце...

Но в этот момент гневный окрик прервал его мысли:

– Попался, мерзавец! Какого рыжего дьявола ты здесь делаешь?

Из-за палисадника неожиданно выпрыгнул полковник Бишоп со своими чёрными телохранителями. На смуглых щеках Блада проступил румянец ярости.

– Типа, как всегда, выполняю свои врачебные обязанности.

Раздосадованный полковник сразу заметил пустую фляжку рядом с колодками, в которых мучился избитый Питт, и пальмовый лист, укрывавший его спину.

– Я же приказал, болван, чтобы ему не давали пищи и воды!

– Неужели? Странно, как же я этого не слышал.

– Ты не слышал?! О шалун! Исчадие ада! Преступник! Нехороший человек! – видимо, плантатор не мог разговаривать без ругани. – Как же ты мог слышать, если тебя здесь не было?!

– Вот именно к этой мысли я вас и подвожу.

– В каком смысле, сволочь?!

– В прямом! Вы же не можете требовать от меня, чтобы я догадывался о ваших приказах? – с нескрываемым сарказмом спросил Блад. – Видя страдания Питта, я решил: «Это один из невольников господина полковника, а раз я врач, то обязан заботиться о сохранении его собственности!» Поэтому я дал несчастному глоток воды и закрыл спину пальмовым листом. Разве я не прав?

– Прав? – от возмущения плантатор потерял дар речи. – Ах ты... ты... я... ты... я тебя...

– Не надо так волноваться! – умоляюще протянул Питер. – Вам это очень вредно. Вас разобьёт паралич, и вы сдохнете под забором никому не нужной вонючей развалиной, какое горе, верно? Хотя какое там горе...

Полковник Бишоп даже не сразу нашёлся что сказать:

– Милостивый бог, взгляните на этого мерзавца! Ты смеешь разговаривать со мной подобным тоном да ещё ставить мне условия, ирландская собака?!

– А почему бы и нет? – в глазах Питера Блада играл демон безрассудства, порождённый отчаянием. – Хочу и буду!

В течение долгой минуты, сравнимой с вечностью, Бишоп в упор рассматривал оборзевшего врача, а затем изрёк:

– Я слишком мягко относился к тебе, грязный мошенник! Это нужно исправить... Я прикажу пороть тебя до тех пор, пока на твоей паршивой спине не останется и клочка целой кожи!

– И вы лишите моих услуг губернатора, который мучается от подагры так, что не может стоять даже на четвереньках?!

Но взбесившийся полковник уже махнул рукой неграм, отдавая приказание, и в тот же миг, сотрясая воздух, раздался мощный раскатистый грохот. Бишоп подпрыгнул от неожиданности, а вместе с ним подскочили оба его телохранителя, внешне невозмутимый Блад и даже немножечко – бедный Питт. Все пятеро как по команде повернулись к морю.

Внизу, в изумрудной бухте, там, где на расстоянии одного кабельтова[11 - Кабельтов – морская мера длины, равная 185,2 метра, почти два километра в сухопутном измерении.] от форта стоял большой красивый корабль, за клубились облака белого дыма. Они целиком скрыли судно, оставив видимыми только верхушки мачт. Стая испуганных морских птиц, взмывшая со скалистых берегов, с пронзительными воплями кружила в голубом небе, прицельно гадя на всё подряд.

Ни обалдевший полковник, ни перепуганные негры, ни зарвавшийся Блад, ни даже Питт, глядевший на всё мутными от боли глазами, не понимали, что происходит. Но в ту же минуту английский флаг быстро соскользнул с флагштока на грот-мачте, а на смену ему взвился жёлто-красный стяг королевского флота великой Испании. Вот теперь всё сразу стало на свои места.

– Пираты! – фальцетом заорал полковник. – Проклятые пираты! Вот только их ещё нам не хватало!

Глава 8

Очень нехорошие кастильцы

Большой красивый корабль, который так спокойно вошёл под чужим флагом в Карлайлскую бухту, по факту оказался самым настоящим испанским капером. Он явился сюда, дабы страшно отомстить за поражение, нанесённое капитаном «Прайд оф Девон» двум испанским галеонам, шедшим с ценным грузом в Кадикс. Банальные торговые разборки, никакой политики, ничего личного, только золото...

Тем самым повреждённым галеоном, скрывшимся с поля битвы, командовал небезызвестный в узких кругах дон Диего де Эспиноса-и-Вальдес, очень вспыльчивый и надменный гранд, никогда не прощавший обид.

Проклиная всю Великобританию за понесённое поражение, дон Диего поклялся преподать англичанишкам такой урок, которого они никогда не забудут. Он решил позаимствовать кое-что из опыта их же пирата-рыцаря-вампира Генри Моргана[12 - Генри Морган – знаменитый английский корсар, предавший своих, целовавший ручку королеве и получивший титул вице-губернатора Ямайки (XVII в.).] и других морских разбойников, предприняв ответный карательный налёт на ближайшую английскую колонию.

К сожалению, рядом с ним не было более вменяемого старшего брата – адмирала дона Мигеля де Эспиносы, который мог бы отговорить Диего де Эспиносу от этакой авантюры, когда в Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико он оснащал для этой цели новенький красный корабль «Синко Льягас». Объектом своего налёта он наметил остров Барбадос, логично полагая, что местные плантаторы, привыкшие к мирной жизни, будут застигнуты врасплох.

Впрочем, Барбадос попал под раздачу ещё и потому, что, по сведениям, доставленным шпионами, именно там чинили «Прайд оф Девон», а ему хотелось, чтобы его «мщение» имело какой-то оттенок исторической справедливости. Время для налёта, разумеется, подгадали такое, когда в Карлайлской бухте не было ни одного британского военного корабля, способного дать интервенту звездюлей сдачи.

Самая примитивная хитрость – поднятие английского флага – оказалась настолько идеальной, что, не возбудив никаких подозрений, испанец преспокойно вошёл в бухту и шмальнул по форту в упор правым бортовым залпом из двадцати пушек, чем сразу положил едва ли не треть гарнизона.

Прошло несколько минут, и перепуганные островитяне увидели, как в клубах порохового дыма, подняв грот[13 - Грот – самый нижний парус на второй от носа мачте парусного судна.] для увеличения хода, в крутом бейдевинде[14 - Бейдевинд – курс парусного судна относительно ветра. Далее – скучные морские уточнения...], галеон наводил пушки левого борта на уже изрядно потрепанный форт.

Сотрясая сами небеса, раздался второй залп. Его грохот наконец-то привёл полковника Бишопа в чувство. Он хлопнул себя по лбу, вспомнив о своих обязанностях командира барбадосской милиции, а также о том, что за своим собственным домом тоже надо присмотреть, самое ценное спрятать, с остальным хотя бы успеть попрощаться...

Внизу, в городе, вовсю лихорадочно били в барабаны, звонили в колокола, слышался тревожный звук труб, как будто хоть кого-то ещё требовалось оповещать о приближающейся опасности.

По идее служебное место полковника Бишопа было сейчас во главе немногочисленного гарнизона форта, который испанские пушки успешно превращали в бесформенную грудку камней. Плантатор зачем-то погрозил пальцем Бладу и, невзирая на свой немалый вес, поспешно побежал в город. За ним рысцой трусили его чёрные телохранители.

Обернувшись к Джереми Питту, Блад мрачно усмехнулся:

– Вот это я и называю крайне своевременным вмешательством судьбы. Хотя, укуси меня вампир, один лишь дьявол знает, каким боком нам всё это выйдет!

При третьем залпе он поднял отброшенный Бишопом пальмовый лист и вновь осторожно прикрыл им спину своего страдающего друга. Под гром выстрелов на открытую площадку выбежали перепуганные рабы, трудившиеся на соседних плантациях. Хагторп первым кинулся к доктору:

– Что происходит, Питер?

– Думается, это война, – деланно зевнул Блад.

– А-а, значит, мы прячемся в лесу?

– Зачем, мы можем отсюда посмотреть на весь этот спектакль, а в лесу, кроме пары ёжиков, ничего интересного нет. Испанцы хотят захватить город, но ведь не мы им нужны, верно?

Рабы, каторжники, преступники, бунтовщики и сторонники герцога Монмута общей численностью чуть более двадцати человек, подумав, остались на возвышенности, откуда хорошо просматривалась закипевшая на берегу рукопашная схватка.

Местная милиция, как и все жители острова, способные носить оружие, с отчаянной решимостью пыталась противостоять корабельному десанту. Лютые зверства испанской солдатни были общеизвестны, и даже самые гнусные дела вампира Моргана, после королевского прощения отправлявшего на виселицу своих же друзей-корсаров, порой бледнели перед яростной жестокостью кастильских насильников.

Однако опытный командир испанцев хорошо знал своё дело, чего нельзя было сказать о надменной барбадосской милиции. Вспомнить хотя бы того, кто именно ею руководил. Полковник Бишоп умел быть храбрым лишь с беззащитными рабами...

Благодаря преимуществу внезапного нападения хладнокровный испанец в первые же минуты попросту забомбил форт, мигом показав барбадосцам, кто тут на самом деле хозяин положения.

Его пушки вели прицельный огонь с борта корабля по открытой местности за молом, каждым залпом превращая в кровавую кашу людей, которыми бездарно командовал неповоротливый и трусливый Бишоп. Испанцы же действовали умело: своими ядрами они вносили панику в нестройные ряды оборонявшихся горожан и одновременно успешно прикрывали высадку десанта, выпрыгивающего из шлюпок на берег.

Под лучами палящего солнца битва продолжалась недолго, и, судя по тому, что трескотня мушкетов была слышна всё ближе и ближе, становилось очевидным, что кровожадные испанцы теснили редких защитников города. Без пушек разрушенного форта отважные местные герои были обречены на поражение...

Уже к полудню двести пятьдесят кастильцев стали полновластными хозяевами сдавшегося Бриджтауна. Всех горожан разоружили и надавали по шеем, загнав в сараи и бараки, а его светлость дон Диего, сидя в губернаторском доме, с изысканным издевательством «от балды» определял размеры выкупа. Сам же губернатор Сид, от страха забывший о своей подагре, и бледный полковник Бишоп с несколькими уцелевшими офицерами могли лишь подобострастно кланяться и нижайше благодарить испанцев за несказанную милость. Какую, мать его за ногу, спросите вы?

Ну как же, ведь кастильский капитан дон Диего милостиво заявил, что всего лишь за сто тысяч песо и пятьдесят голов скота он, возможно, воздержится от превращения города в груды пепла. А возможно, и нет, кто знает, у него сегодня такое переменчивое настроение...

В то же самое время рядовые испанские вояки занимались грабежом, пьянством и насилиями. Собственно, всем тем, чем они привыкли заниматься во всех подобных случаях. В конце концов, ведь месть за погибших товарищей и моральная компенсация вином, золотом и чужими женщинами – святая прерогатива каждого солдата!

Только с наступлением сумерек Блад рискнул в одиночку спуститься в город. О том, что именно он там увидел, мы не будем рассказывать: поведение испанцев было отвратительно до тошноты. Порой трудно поверить, чтобы люди могли дойти до таких пределов жестокости и разврата. Впрочем, возможно, в ту минуту доктор просто забыл, что делали королевские драгуны Кирка в его тихом городке...

Гнусные картины насилия и грабежей, развернувшиеся перед Бладом, заставили его побледнеть и поспешно повернуть обратно, спеша выбраться из этого ада. Но на узенькой улочке в его объятия практически упала бегущая навстречу стройная девушка с распущенными волосами.

За ней с дебильным хохотом и площадной мадридской бранью гнался испанец в тяжёлой кирасе. Он уже почти настиг бедняжку, когда Блад внезапно преградил ему дорогу, закрыв девушку спиной. В руках у него была шпага, которую он подобрал у убитого солдата.

Удивлённый неожиданным появлением незнакомца, испанец сердито остановился, увидев, как в руках у доктора сверкнул клинок.

– А-а, ещё одна английская собака! Оле-е-оле-оле-оле-е! – запел он, оскалив длинные клыки, и бросился навстречу своей смерти.

– Надеюсь, что очередного вампира уже заждались в пекле? – вежливо осведомился Блад, одним точным выпадом проткнув ему горло шпагой насквозь.

Сделал он это очень умело, с искусством врача и ловкостью опытного фехтовальщика. Кровосос, не успев даже простонать, бесформенной массой рухнул наземь, пытаясь зажать страшную рану. Вопреки распространённому заблуждению, вампиры Нового Света прекрасно убивались и обычным железом. Да, их раны заживали втрое быстрее, но когда горло практически распаханно от уха до уха, то даже вампир теряет всю кровь за считанные минуты...

Повернув к себе плачущую девушку, замершую у стены, Блад схватил её за руку.

– Идёмте со мной, – бросил он, – похоже, этих тварей на корабле предостаточно!

Однако бедняжка испуганно вытаращила на него голубые глаза и не двинулась с места.

– Куда, зачем, я не знакомлюсь на улице, я не такая!

– О небо! Мы будем ждать, пока я предъявлю вам свои документы? – огрызнулся Блад.

– Ну-у, быть может, нас хотя бы кто-нибудь представит друг другу...

– Кастильские вампиры вас устроят?

За углом улочки, откуда выбежала девушка, спасаясь от озабоченного головореза, слышались тяжёлые шаги и испанская речь. Мгновенно взвесив все за и против, а возможно, успокоенная его безукоризненным английским произношением, красавица, не задавая больше идиотских вопросов, церемонно подала ему руку.

Быстро пройдя по пустынным улочкам через весь центр, прячась от испанской солдатни и матросни в подворотнях, ночных тенях, а пару раз даже залезая высоко на пальмы, они наконец поднялись в гору, где, к счастью, никого не встретив, вышли на окраину Бриджтауна.

Разграбляемый город остался позади, а Блад из последних сил вытащил на заливке девушку по крутой дороге напрямик к дому полковника Бишоп. Особняк плантатора был погружён в темноту, что позволило доктору вздохнуть с облегчением, ибо, если бы здесь уже были испанцы, в нём горели бы огни. Да что уж там, скорее всего, полыхал бы и сам дом!

Блад постучал в дверь несколько раз, прежде чем ему робко ответили из верхнего окна:

– Кто там? Мы ничего не покупаем и со Свидетелями Иеговы не разговариваем!

Дрожащий голосок, несомненно, принадлежал Арабелле Бишоп.

– Это я, Питер Блад, – вежливо представился он, переводя дыхание.

– Э-э, а что вам тут нужно? Дяди нет дома!

Питер Блад понимал и в чём-то разделял её страхи: в такой день следовало опасаться не только буйных грабителей, но и собственных рабов с плантации. Взбунтовавшись, они могли стать куда более опасными, нежели испанцы. А уж причин у них было значительно больше...

Но тут девушка, спасённая бесстрашным доктором, узнав знакомый голос, радостно вскрикнула:

– Арабелла?! Отпирай, это я, Мэри Трэйл!

– О, Мэри! А ты-то здесь что делаешь? Твоя мама в курсе, где тебя носит?!

После этих взаимных удивлённых восклицаний беседа приняла более доверительный характер, и несколько секунд спустя дверь распахнулась. В просторном вестибюле стояла красавица Арабелла, и мерцание свечи, которую она держала в руке, таинственно освещало её греческую фигуру в облегающей полупрозрачной белой одежде. Поверьте, женщины умеют эффектно подать себя в любой ситуации. Пока дамы обливали друг дружку слезами, Питер был вынужден вновь взяться за дела.

– Есть в доме кто-нибудь из слуг?

Тут же выяснилось, что женщины сбежали все, мужчины, в принципе, тоже. Но в доме случайно оказался старый негр, немощный Джеймс, у него были больные ноги, и он просто не успел далеко уйти...

– Ладно, выбора нет, так что и этот подойдёт, – с сожалением протянул Блад. – Прикажете ему подать лошадей и сейчас же отправляйтесь в Спейгстаун. Там вы будете в полной безопасности. Здесь оставаться нельзя. Торопитесь!

– Но ведь сражение давно закончилось, испанцы, наверное, уже отправились по домам и... – нерешительно начала Арабелла и покраснела, поняв, что несёт чушь.

– Верно, отправились, но не по своим. Они сейчас грабят чужие дома. Самое страшное ещё впереди, мисс Трэйл вам всё расскажет по дороге, в красках и детальках. Ради бога, поверьте мне и сделайте так, как вам говорят!

– Он... он спас меня, – со слезами прошептала мисс Трэйл.

– Спас тебя? – Арабелла была ошеломлена, явно отказываясь верить своим ушам. – От чего спас, Мэри? От скуки или молочницы?!

– Разберётесь после! – почти сердито прервал их Блад. – Вы сможете проболтать хоть целую неделю, когда выберетесь отсюда в безопасное место. Пожалуйста, идите за Джеймсом и сваливайте отсюда немедленно!

– Вы не говорите, а приказываете, – капризно на-дулась племянница плантатора.

– Кто? Я? Я приказываю?! Мисс Трэйл, ну скажите же ей, есть ли у меня основания...

– Да, да, – тут же откликнулась девушка, с благоговением глядя на доктора, – Арабелла, умоляю, послушайся его! Он человека убил! Ткнул длинной железкой в горло, и всё...

Арабелла Бишоп вышла переодеться в более подходящий костюм и захватить кое-какие личные вещи, оставив подругу вдвоём с Бладом.

– Я... я никогда не забуду, что вы сделали для меня, сэр! – с глазами, полными слёз, проговорила Мэри.

Только сейчас Питер как следует рассмотрел тоненькую хрупкую девушку, похожую скорее на испуганного ребёнка.

– В своей жизни я делал кое-что посерьёзней, – ласково сказал он, вспомнив, как приложил в пах капитана Кирка, и, подумав, добавил с горечью: – Поэтому-то я здесь и очутился. «Невиновных у нас не сажают». Ха-ха...

Мэри, конечно, не поняла его слов и даже не особенно пыталась сделать вид, будто они ей понятны.

– Вы... вы убили кого-то ещё? – со страхом спросила она.

– Нет, но надеюсь, что на женщин он теперь даже и не смотрит, боится, – скромно ответил Блад. – Впрочем, это совсем неважно. Важно лишь, чтобы этот ваш Джеймс поскорее привёл лошадей.

Наконец старый негр подал осёдланный четвероногий транспорт в количестве трёх скакунов и одного осла, так как помимо Джеймса мисс Арабелла милостиво предложила поехать и доктору, на что тот почему-то ответил категорическим отказом. На самом деле он бы, конечно, ничего не имел против верховой прогулки в хорошей компании по ночному Барбадосу, но сейчас у него были иные планы.

Посадив на лошадь лёгкую как пёрышко Мэри Трэйл, Питер повернулся, чтобы попрощаться с Арабеллой, уже сидевшей в седле. Он с поклоном пожелал ей счастливого пути, хотел добавить ещё что-то, но передумал.

Лошади тронулись и вскоре исчезли в лиловом полумраке звёздной тропической ночи, а Блад всё ещё продолжал стоять около пустого дома полковника Бишопа.

Из далёкой темноты до него донёсся дрожащий девичий голос:

– Я никогда, никогда не забуду, что вы убили его ради меня, мистер Блад! Вы ведь тоже меня не забудете, да? Питер, я ваша навеки-и!

Он не ответил. Эти нежные слова не доставили доктору Бладу особой радости, так как ему хотелось, чтобы нечто похожее было сказано другим голосом. Он постоял в темноте ещё несколько минут, наблюдая за светлячками, роившимися над рододендронами, пока не стихло цоканье копыт, а затем, вздохнув, вернулся к суровой действительности. В ту ночь ему предстояло сделать ещё очень многое.

Он вновь спустился в город, и вовсе не для того, чтобы лишний раз удостовериться, как нехорошо ведут себя победители или сколько среди них вампиров. Ему было важно нечто совсем другое. Выяснив всё что хотел, он быстрым шагом вернулся обратно к палисаду, где за белым домом надсмотрщика тревожно спали его друзья – рабы полковника Бишопа.

Пришлось всех будить:

– Парни, у нас есть одно дело...

Глава 9

Повстанчество как оно есть...

После полуночи, когда густой фиолетовый сумрак ночи опустился над Карибским морем, на борту испанского галеона «Синко Льягас» оставалось не больше

десяти членов команды, и то не людей для охраны судна – испанцы и так были справедливо уверены в полном разгроме гарнизона острова.

Как вы уже догадались, это были канониры. В те времена любой флотоводец понимал, как неразумно рисковать хорошими специалистами пушечной стрельбы. Их не ставили в десант, не допускали к abordажу, не позволяли сойти на берег ради грабежей и буйных фантазий. Пушкари были отдельной кастой со своими правами и обязанностями.

В то время как практически вся команда корабля пьянствовала и бесчинствовала в захваченном городе, остававшийся на борту главный канонир и его зубастые помощники, уже никого не стеснясь, пировали на пушечной палубе. Испанцы, первыми схлестнувшиеся с вампирами, первыми же и стали привлекать их к себе на службу, и те охотно делали вид, что готовы служить. Пока, конечно, не начинались перебои с кровью.

Двое крайне нетрезвых часовых – один на носу и другой на корме – делали вид, что несут вахту. Но, как понимаете, синька – яд, иначе они давно бы уже заметили две большие лодки, которые отошли от пристани и бесшумно пришвартовались у испанского корабля.

С кормовой галереи всё ещё свисала верёвочная лестница, по которой днём спустился в шлюпку их грозный капитан дон Диего, отправлявшийся с десантом на берег. Часовой, продирая глаза, неожиданно обратил внимание на тёмный силуэт у мостика.

– Кто... ик!.. Кто тама?! – нетрезво икнул он, полагая, что перед ним кто-то из своих.

– Это я, амиго, – тихо ответил Питер Блад по-испански.

– Эт-то ты, Пи-Педро?

– Да, меня зовут примерно так, но вряд ли я являюсь тем Пи-Педром, которого ты знаешь.

– Как... ик? Щё-то, я ва-аще н-ничо н... понял, – останавливаясь, часовой страдальчески сжал виски, – башка трещит... Вып-пить есть?

– Целый океан, пей сколько влезет! – нежно ответил Блад.

Испанец, застигнутый врасплох, не успев вякнуть что-либо вразумительное, перелетел через низкий гакаборт[15 - Гакаборт – верх кормовой части парусного судна. Может, и не парусного тоже, не знаю.] и камнем упал в воду, едва не треснувшись лбом об одну из лодок, стоявших под кормой. В стальной кирасе, со шлемом на голове и в тяжёлых сапогах, он без претензий пошёл ко дну, избавив каторжников от дальнейших хлопот.

– Всё чисто, – громко прошептал доктор ожидавшим его внизу товарищам, – поднимайтесь по одному и без шума.

Пять минут спустя двадцать ссыльных повстанцев уже находились на борту судна. Тихо выбравшись по узкой галерее, они ничком растянулись на корме. Впереди горели огни.

Большой фонарь на носу корабля освещал фигуру часового, враскачку расхаживавшего по полубаку[16 - Полубак, или бак, – не ёмкость, а носовая часть верхней палубы.]. Снизу, с пушечной палубы, доносились дикие крики вампирской оргии. Даже страшно представить себе, как развлекались клыкастые канониры своим узким кругом, пьяные в дым...

Сочный мужской голос залихватски пел весёлую испанскую песню о счастливой жизни, и ему нетрезвым хором вразнобой подтягивали остальные:

Протестантов встретили, очень долго били!

Вот какие славные обычаи в Кастилии!

Флот британцев взяли, тут же утопили!

Вот какие славные обычаи в Кастилии!

Всех, кого поймали там, сразу и казнили!

Вот какие славные обычаи в Кастилии!

Негритянку сцапали, очень долго мыли...

Вот какие славные обычаи в Кастилии!

Русской водки выпили-и... многих схоронили...

Вот какие славные обычаи в Кастилии!

– После сегодняшних событий, думаю, этому можно верить. Обычаи действительно хоть куда! – сквозь зубы заметил Блад и тихо скомандовал: – За мной, орлы!

Неслышно, словно ночные призраки, рабы с плантаций на цыпочках пробрались вдоль поручней кормовой части палубы на шкафут[17 - Шкафут – а вот это уже средняя часть палубы судна. Не перепутайте!]. У большинства осуждённых мятежников были ножи и мачете для рубки сахарного тростника. Вполне грозное оружие в опытных руках, а рабы давно привыкли им владеть. Но кое-кто успел разжиться и трофейным мушкетом.

Второй часовой также никому не доставил хлопот. Оказалось, он тоже не умел плавать в кирасе. Вампирские канониры всем коллективом продолжали беззаботно надираться вниз, считая себя в полной безопасности. Да и чего им было бояться на борту собственного судна?

Гарнизон Барбадоса разгромлен и разоружён, счастливая команда «Синко Льягас» на берегу стала полновластным хозяином покорённого города и жадно упивалась успехами лёгкой победы. За это стоило хорошенько принять на грудь креплёного вина!

Поэтому пьяные кровососы совершенно искренне не поверили собственным глазам, когда к ним внезапно ворвались полуголые, обросшие люди, казавшиеся ордой дикарей, хотя в недавнем прошлом они, видимо (или возможно), были цивилизованными европейцами.

Песни и смех сразу же оборвались, а совершенно недееспособные канониры в ужасе и замешательстве оскалили зубы на острые клинки мачете и дула мушкетов, смотревшие на них в упор очень нехорошим взглядом.

– Свежая кровь? – двое самых тупых или самых борзых вскочили на ноги, обнажив страшные клыки.

Питер Блад, не задумываясь, разрядил два пистолета. Когда пороховой дым рассеялся, два трупа с простреленными головами валялись на полу, а оставшиеся вампиры молча подняли руки. Доктор же обратился к ним на чистом испанском:

– Вы избавитесь от многих неприятностей, в том числе скоропостижной смерти, если самостоятельно отправитесь в какое-нибудь тихое, безопасное место. Например, в вонючий трюм. Или кто-то хочет ещё посопротивляться?

– Дьявол, отгрызи мне оба уха, уж мы брыкаться не станем, – прошептал главный канонир, – но раз свежатины вы нам не завезли, то хоть эти трупы забрать можно?

– Приятного аппетита, – любезно откликнулся Блад, – забирайте обоих идиотов, не жалко! И выпивку, кстати, тоже.

Он совершенно не хотел, чтобы его товарищи вдруг покусились на алкоголь, поскольку рано утром с ними могло произойти то же самое, что они только что устроили поклонникам «славных обычаев Кастилии».

Затем нереально зубастые испанцы без всяких увещеваний, если не считать лёгких подталкиваний в спину прикладами мушкетов, были загнаны через люк в трюм. Несмотря на весьма могучую дозу крепкого алкоголя, они хоть и огрызались, но всё же соображали, когда и кому выгоднее подчиниться. Да и кто бы взялся их осуждать, когда двое самых говорливых простились с жизнью на глазах своих же товарищей? Которые, кстати, ни минуты не колеблясь, начали пить их остывающую кровь, образно выражаясь, прямо «из горла»...

Сами же повстанцы поспешили угоститься остатками знаменитой испанской кухни. После солёной рыбы и маисовых лепёшек, которыми питались рабы Бишопы, обычная жареная говядина, тапасы, свежие овощи и фрукты, паэлья и белый хлеб показались им просто райской пищей.

Но Блад железной рукой не допустил никаких излишеств: «Не обжираемся, всем всего по чуть-чуть». Авторитет доктора у мятежников находился на

недосягаемой высоте ещё с тех времён, когда он практически вытащил их с того света, остановив эпидемию на работорговом судне.

В конце концов, сегодня они выиграли лишь предварительную схватку и точно выяснили: да, флоту Кастилии спокойно служили вампиры испанского происхождения, а быть может, людей даже специально инфицировали для подобных набегов. Но!

Предстояло ещё суметь удержать в руках этот трёхмачтовый ключ к свободе и закрепить победу силой оружия. Нужно было подготовиться к дальнейшим событиям, и приготовления эти заняли, по сути, весь остаток короткой ночи. Однако они успели. Поэтому, когда зелёную вершину горы Хиллбай коснулся первыми лучами розовый рассвет, которому предстояло освещать новый день, столь богатый всяческими неожиданностями, Питер Блад приветливо улыбнулся ему...

Лишь только солнце поднялось над горизонтом, один из бывших рабов, расхаживая по палубе в кирасе и шлеме с испанским мушкетом на плече, то есть переодетый самым убедительным образом, громко объявил о приближении лодки.

Благородный капитан дон Диего де Эспиноса-и-Вальдес с гордо поднятой головой возвращался на борт своего корабля с четырьмя здоровенными ящиками. В каждом из них находилось по двадцать пять тысяч песо выкупа, доставленного ему губернатором Стидом. Капитана испанцев сопровождали его младший сын, красавчик Эстебан, и шесть слегка протрезвевших гребцов. Остальная часть команды ещё не пробудилась после вчерашнего.

Красный корабль, левым бортом обращённый к берегу, спокойно покачивался на якоре. Шлюпка с доном Диего и его свеженаграбленным богатством подошла к правому борту, где всё так же висела верёвочная лестница.

Питер Блад очень хорошо подготовился к встрече, так как не зря отслужил под начальством адмирала де Ритера: с борта свисали тали, у лебёдки стоял вооружённый караул, а внизу в полной готовности ждали канониры под командой решительного Огла. Уже одним своим грозным видом опытный пушкарь внушал безоглядное желание убраться с линии прицела.

Естественно, дон Диего, ничего не подозревая, в превосходном настроении поднялся на палубу собственного судна. Да и с чего бы он стал хоть что-то подозревать?

Удар палкой сзади по башке, умело нанесённый бывшим офицером флота Хагторпом, сразу же отправил благородного дона в глубокую бессознанку. Бедняга не успел даже взглянуть на почётный караул, специально выстроенный для его встречи.

Испанского гранда немедленно, со всевозможной вежливостью, отволокли за ноги в капитанскую каюту, а ящики с богатством подняли на палубу. Закончив передачу сокровищ на корабль, юный дон Эстебан и гребцы по одному поднялись по верёвочной лестнице на палубу, где им оказали такой же «тёплый» приём, как и капитану корабля.

Питер Блад не в первый раз проводил подобного рода операции с удивительным блеском и уж точно не без некоторой показушной театральности. Несомненно, комедийно-драматическое зрелище, достойное пера Лопе де Веги, разыгравшееся сейчас на борту испанского галеона, могло бы украсить собой сцену знаменитого мадридского театра.

К сожалению, детали вышеописанной постановки из-за дальности расстояния были недоступны многочисленным зрителям, находившимся в это время на берегу. Несчастные жители Бриджтауна во главе с полковником Бишопом и жутко страдающим от подагры губернатором Стидом уныло сидели на развалинах порта, глядя даже не на корабль, а на восьмёрку лодок, в которые усаживались опохмеляющиеся испанские головорезы, утомлённые насилиями, пресыщенные убийствами и вполне довольные грабежом.

Гогочущие испанцы откровенно глумились над несчастными островитянами, показывая всякие неприличные жесты и шутливо грозя всяческими предметами. Лодки были уже на полпути между пристанью и кораблём, когда над морем внезапно грохнул выстрел! Пушечное ядро упало в воду за кормой передней лодки, обдав волной брызг находившихся в ней гребцов. Повисло нехорошее молчание...

На минуту все перестали грести, застыв от изумления, а затем заорали едва ли не хором, проклиная пьяного вампира-канонира, которому вздумалось

салютовать славным победителям из пушки, заряженной настоящим ядром. Они всё ещё продолжали лаять на него на все лады, когда второе ядро, более метко направленное, разнесло одну из лодок в щепки.

Дружно подняв вёсла над водой и вскочив на ноги, испанские вояки с оставшихся шлюпок посылали в голубые небеса самые непристойные проклятия, умоляя адское пекло и всех драных чертей сообщить им, какой конченный идиот добрался до корабельных пушек.

Но тут третье ядро разнесло вторую шлюпку, пустив на дно всех её пассажиров. Испанские пираты даже растерялись: одни из них хотели вернуться на берег – там спокойнее, а другие требовали побыстрее направиться к кораблю, дабы выяснить-таки, что за чертовщина там творится?! Но пока они спорили, ругались и орали друг на друга, два новых ядра на раз-два потопили уже третью лодку.

Старина Огл получил прекрасную возможность попрактиковаться и, так сказать, вспомнить молодость, доказав всему белому свету, что он до сих пор кое-что понимает в наводке пушек. К тому же замешательство испанцев способствовало тому, что все оставшиеся лодки ради срочного совещания сгрудились вместе, представляя отличную мишень. Отчего же не пострелять, как в тире?

Всё чаще, громче и истеричнее звучали страшные слова «предатели-вампиры», ибо ни на кого другого на тот момент испанцам почему-то не пришло в голову возложить вину. Да, трудноуправляемые вампиры воистину были бичом Карибского бассейна, но в данный момент они оказались ни при чём. Впрочем, они ещё не раз появятся позже...

Новый выстрел положил конец разногласиям кастильских головорезов. Словно в миг сговорившись, они развернулись к берегу или, точнее, попытались развернуться, но, прежде чем им удалось это сделать, ещё две лодки отправились на дно.

Если даже сами испанцы не могли сообразить, что же именно происходит на их собственном корабле, то ещё непонятнее всё это было для несчастных островитян, пока они не увидели, как с грот-мачты «Синко Льягас» соскользнул кровавый флаг Испании и вместо него взвился гордый английский стяг. Лица людей впервые озарились робким светом надежды...

Но, наученные страшным опытом, они не спешили аплодировать смерти кастильцев, а в страхе и замешательстве наблюдали за возвращением на берег своих врагов, несомненно готовых выместить на несчастных барбадосцах бешеную злобу, вызванную столь неприятными событиями.

Однако Огл успешно продолжал доказывать, что талант канонира не пропьёшь и не растеряешь: его пушки послали вдогонку испанцам ещё несколько ядер. Таким образом, последняя лодка разлетелась в щепки, едва коснувшись носом пристани.

Это был закономерный конец пиратской команды, не более десяти минут назад со смехом подсчитывавшей количество золотых монет, которое придётся на долю каждого грабителя за участие в совершённых ими бесчеловечных злодеяниях. Человек шесть кое-как вплавь всё же ухитрились добраться до берега.

Но вряд ли кто из них в здравом уме стал бы этому радоваться, памятуя о том, что они натворили в Бриджтауне; пушечные ядра и океанское дно, наверное, были более милостивы. Нам известно лишь, что, как только испанцы выкарабкивались на берег, их тут же брали в оборот; а учитывая свежесть и глубину их преступлений, можно не сомневаться в том, что верёвок и сучьев хватило на всех...

Кто же были эти таинственные спасители, которые в последнюю минуту столь храбро отомстили кастильцам, при этом наверняка сохранив вытребованный с островитян выкуп в сто тысяч песо? Эта хитрая загадка требовала срочного разрешения, и губернатор с Бишопом уже тихо перешёптывались, толкая друг дружку локтями.

В том, что испанский галеон «Синко Льягас» находился сейчас в руках друзей, после получения столь наглядных доказательств никто на острове не сомневался.

– Но кто эти отважные люди? – спрашивали друг у друга жители Бриджтауна. – Откуда они тут появились? Как сумели так быстро разделаться с врагом?

– Думается мне, – важно отвечал губернатор Сидд, – что какая-то кучка наших смелых островитян проникла ночью на корабль и овладела им. Остаётся лишь

выяснить личности этих героев и воздать им должные почести! Например, выдать по медальке. Не так ли, полковник?

Именно с таким поручением Бишоп и отправили на корабль как полномочного представителя губернатора в сопровождении двух офицеров. Поднявшись на борт испанского галеона, полковник сразу заметил четыре денежных ящика. Свиные глазки плантатора радостно увлажнились, потому что содержимое одного из ящиков ему пришлось почти полностью набить из собственного кармана.

А поперёк палубы двумя стройными шеренгами стояли человек двадцать солдат с мушкетами на изготовку, в кирасах и в испанских шлемах.

Не стоило требовать от недалёкого полковника Бишоп, чтобы он с первого же взгляда навскидку угадал в этих подтянутых, дисциплинированных мужчинах тех грязных оборванцев, которые ещё только вчера горбались на его полях. Ещё меньше можно было ожидать, чтобы он сразу же опознал сухощавого джентльмена с изысканными манерами, одетого по испанской моде во всё чёрное с серебряными позументами.

На расшитой перевязи висела дорогушая шпага с позолоченной рукояткой, а из-под широкополой шляпы с большим белым плюмажем[18 - Плюмаж – мужское и женское украшение из страусиных или павлиньих перьев. Унисекс.] были видны тщательно завитые локоны чёрного парика.

– Позвольте категорически приветствовать вас на борту «Синко Льягас», дорогой вы наш полковник! – весело прозвучал чей-то смутно знакомый голос. – В честь вашего прибытия нам пришлось нацепить костюмчики испанцев, но не сомневайтесь – вы среди друзей, среди ваших старых и очень недобрых друзей!

Перед ним был Блад, чисто выбритый, разнаряженный, даже помолодевший, хоть сейчас под венец!

– П-питер Блад?!

– С одним «п», – вежливо поправил его доктор, – но в целом вы не ошиблись. А вот это мои товарищи и ваши рабы.

Он указал на застывшую шеренгу.

Полковник выкатил маленькие глазки.

– Дьявол меня раздери! – с идиотским ликованием закричал он, хлопая в ладоши. – Так вот с этими ребятами ты захватил корабль гнусных испанцев? Это же победа, это героизм, это а-ря-ря!

– Я бы скорее назвал это небольшим эпическим подвигом. Конечно, не драка с вдвое превосходящими силами вампиров, хотя и они тут есть, но всё-таки немножечко круто...

Бишоп опустил тяжёлой задницей на крышку люка и нервно вытер пот со лба плюмажем от своей же шляпы.

– Ты меня удивляешь! – явно не зная с чего начать, продолжал нести зимнюю пургу плантатор. – Клянусь честью, это поразительно! Дьявольщина, да ведь вы смогли вернуть деньги, захватить такой прекрасный корабль со всеми его богатствами! Чёрт побери, но ты заслуживаешь за это хорошей награды! Вы все заслуживаете хорошей награды, паршивцы!

– Вопрос состоит лишь в том, – тонко заметил Блад, – какую награду мы, по-вашему, заслужили и в чём она будет заключаться?

Полковник Бишоп сделал удивлённое лицо:

– Но это же любому дураку ясно. Наш коротышка-губернатор Стид сообщит в Англию о вашем подвиге и (!)... возможно (!)... вам снизят сроки заключения! Здорово, правда, парни?!

– О, хвалёное великодушие короля нам хорошо известно, – насмешливо бросил Натаниэль Хагторп, и вся шеренга повстанцев разразилась злорадным смехом.

Толстяк Бишоп слегка поёжился, впервые ощутив некоторое беспокойство. В его тупую голову вдруг стукнулась мысль, что в этом деле не всё так гладко.

– Кроме того, вы обещали меня выпороть, – грустно продолжил Блад, – а в этих делах, полковник, вы держите своё слово.

Плантатор изо всех сил попытался выдавить благодушную улыбку.

– Ну как можно вспоминать о таких глупостях, дорогой доктор? Я просто шутил. Хи-хи.

– Ха-ха, – без улыбки подтвердил Питер, – рад, что вы настроены так миролюбиво. Но я думаю, мне очень повезло.

– О, это мне повезло! Мои мерзавцы-рабы совершили настоящий подвиг, это же...

Но тут вновь вмешался красавчик Хагторп.

– Питер, зачем мы тратим время на эту жирную свинью? – удивлённо спросил бывший офицер королевского военно-морского флота. – Выбросите эту падаль за борт, и дело с концом.

Глаза полковника чуть не вылезли из орбит:

– Что? Какая чушь! Как вы смеете, негодяи?! Да я вам... я же плавать не умею.

Загорелый одноглазый Волверстон, куда менее воспитанный, нежели его товарищ, тоже взял слово.

– Повесить толстую сволочь на нок-рее![19 - Нок-рея – оконечность поперечины мачты. Если на ней кого-нибудь повесить, то видно будет издалека.] – выкрикнул он, а из люка высунулась лысеющая голова канонира Огла.

– Нет, предлагаю скормить этого кабана вампирам! Их много, и они у нас уже голодные.

Большинство повстанцев, стоявших в шеренге, охотно поддержали это весёлое предложение.

Полковник Бишоп задрожал и рухнул пузом на ящик с деньгами.

– Нет, нет, не отдам, это моё... вы не посмеете, я вас всех накажу, не трогайте меня-я...

Блад повернулся к команде. Лицо его было невозмутимо, но ладонь со значением легла на рукоять толедской шпаги.

– Напомни, Волверстон, это ты командуешь судном или всё-таки я? – сказал он громко, как бы обращаясь ко всем сразу. – Полковник Бишоп нужен нам как заложник. Если же вы будете настаивать на том, чтобы его повесить, то... укуси меня вампир, бунт на корабле?!

Все тут же заткнулись. Хагторп пожал плечами и принял сторону Блада, Волверстон, оставшийся в одиночестве, отступил с кривой улыбкой.

– На борту корабля может быть только один капитан, – доктор шутливо погрозил всем кулаком, разряжая обстановку, – а вы, полковник, будете сидеть здесь до нашего выхода в открытое море. И если губернатор Стид рискнёт пальнуть нам вслед хоть из одного мушкетного ствола...

– Вы меня п-повесите?

– Вздёрну на рее, как морковку из грядки! Но сначала поставлю клизму...

Ужас, охвативший полковника, помог ему закончить с глупыми вопросами.

– Господа, вы слышали, что я сказал? – Блад повернулся к бледным офицерам, сопровождавшим Бишоп. – Прошу передать это его превосходительству вместе с моими наилучшими пожеланиями. Да, пусть ест меньше жирного и мучного, это совет врача.

– Но, сэръ... – начал было один из них.

– Заткнитесь! Больше говорить не о чем. Моя фамилия Блад, я – капитан «Синко Льягас», захваченного мною у дона Диего де Эспиноса-и-Вальдеса, который гостит на борту в роли пленника. У вас ровно минута на то, чтобы спуститься по

трапу. Но если трап вас чем-то не устраивает...

– Да вы хоть деньги-то верните, жулики, так нечестно! – загомонили офицеры, и это было последней каплей.

– Волверстон, будьте так любезны, вышвырните этих придурков за борт!

Невзирая на истошные вопли блестящих помощников полковника Бишопа, одноглазый гигант, разряжая нервы, с наслаждением отправил всех купаться.

Через полчаса, убедившись, что оба офицера худо-бедно добрались до берега, Блад дал отмашку повстанцам. К сожалению, только шестеро из них обладали кое-какими скудными познаниями в морском деле. Полноценным шкипером являлся Джереми Питт, но сейчас он был ни к чему не пригоден.

Хагторп немало времени провёл на флоте, однако он умел лишь командовать профессиональными моряками, а искусства навигации никогда не изучал. Получается, что один лишь Блад имел некоторое представление, как управлять парусами, и под его руководством вчерашние невольники начали готовиться к отплытию.

Убрав якорь и подняв парус на грот-мачте, галеон при лёгком бризе направился к выходу в открытое море. Форт молчал. Поведение губернатора было вполне предсказуемым. Он мог бы рискнуть жизнью полковника, но не сохранностью золота. Да и демонстративная артиллерийская расправа над шлюпками испанцев у всех на глазах не прошла даром...

Корабль проходил уже неподалёку от мыса в восточной части бухты, когда Питер Блад подошёл к полковнику, дрожавшему на ящике с выкупом.

– Скажите, а вы точно не умеете плавать?

Бишоп испуганно взглянул на Блада. Его большое лицо пожелтело, а маленькие глазки стали ещё меньше, чем обычно, язык не ворочался в пересохшем рту.

– Как доктор я настоятельно прописываю вам морское купание, – с любезной улыбкой произнёс Блад, – вам дико повезло, что я по натуре не такой

кровожадный человек, как некоторые из моих друзей. Хотя даже я склонен сомневаться, что ваша поганая шкура стоит тех усилий, что я затратил на её сохранение.

На самом-то деле никаких сомнений у доктора не было. Если бы он поступил так, как ему подсказывали ум и логика, то полковник милиции давно бы болтался на рее, а Блад считал бы это благородным возмездием.

Но одна только мысль об Арабелле Бишоп заставила его сжалиться над палачом, выступив не только против своей совести, но и против справедливой мести друзей-каторжан.

– Вам придётся немножко поплавать, до мыса не больше четверти мили, а у вас такая солидная задница, что вам нетрудно будет держаться на воде. Живей! Или мне напомнить вам поговорку про то, ЧТО не тонет?!

Полковник Бишоп послушно встал. Беспощадный тиран и жестокий мерзавец сейчас вёл себя, как евангельская овечка. Поперёк планшира[20 - Планшир – брус, проходящий поверх фальшборта судна. Не пытайтесь понять, прочтите и забудьте.] уже привязывали длинную доску.

– Прошу вас, сэр сукин кот, – сказал Блад, изящным жестом указывая на доску.

Полковник попытался благодушнейше улыбнуться ему, но в кабаньих глазках таилась неприкрытая злоба. Он быстро снял башмаки, сбросил на палубу свой красивый камзол из светло-коричневой тафты и влез на доску.

Цепляясь руками за ванты[21 - Ванты – верёвки или пеньковые тросы, предназначенные для бокового крепления мачт.], он нервно глянул вниз, где в двадцати пяти футах от него плескались зелёные волны.

– А в качестве бесплатной фитнес-услуги, дорогой полковник, – произнёс спокойный, насмешливый голос, – мы спустим вам вслед двух испанских вампиров, это быстро научит вас плавать брасом.

Едва не подпрыгнув от испуга, Бишоп оглянулся и увидел фальшборт[22 - Фальшборт – лёгкая обшивка борта выше верхней палубы. Фальшивый борт по-

нашему.], над которым торчали загорелые лица. Ещё вчера они побледнели бы от страха, если бы он только слегка нахмурился, а сегодня они держали на коротком поводке двух чернявых испанских канониров, страшно скаливших зубы. Привычный мир рухнул в тартарары...

Полковник громко, но бессвязно выругался, кое-как сделав три шага, потерял равновесие и, смешно мелькнув несвежими носками, упал в зелёную бездну.

Когда он, жадно глотая воздух, вынырнул, «Синко Льягас» был уже в нескольких сотнях ярдов от него с подветренной стороны. Полковник милиции изо всех сил замолотил руками и ногами по воде. Голодные вампиры плавали не лучше, но перед ними была большая и толстая цель, так что старались все, а на берегу барбадосцы даже делали ставки.

Ветер сносил голоса, но до Бишопа ещё долго доносились издевательские оскорбления и нелюбезные пешие маршруты, куда его посылали ссыльные повстанцы...

Глава 10

Динь-дон, Диего?

Дон Диего де Эспиноса-и-Вальдес очнулся от сильной боли в затылке и мутным взглядом окинул каюту. Он застонал, закрыл глаза и попытался хотя бы примерно определиться во времени и в пространстве. Санта-Мария, что-то было не так...

Смутные сомнения заставили его вновь открыть глаза.

Бесспорно, он лежал в большой каюте у себя на корабле «Синко Льягас». А это значило, что он у себя дома и любые тревоги нелепы. И всё же что-то упорно подсказывало ему, что не всё шло так, как следует.

Он отчётливо помнил своё супер-пупер-успешное нападение на Барбадос. Все детали этой весьма удачной карательной экспедиции были свежи в его памяти!

Вплоть до самого возвращения на борт корабля. Но вот тут всё почему-то обрывалось...

В этот момент открылась дверь, и дон Диего с удивлением увидел, как в каюту элегантной походкой вошёл его лучший камзол. Это был на редкость изящный, отделанный серебряными позументами испанский костюм, сшитый на заказ около года назад в лучшем ателье Кадикса.

Кстати, камзол был не один, он приспособил себе ещё и бархатные штаны с серебряным шитьём, чулки и дорогие туфли из Мадрида. Маразм крепчал без остановки...

Камзол остановился, чтобы закрыть за собой дверь, и направился к дивану. В камзоле вдруг оказался высокий стройный джентльмен примерно такого же роста и сложения, как и дон Диего. Мужчина улыбнулся и заботливо спросил по-испански:

– Как настроение?

Пришибленный дон Диего встретил взгляд четырёх синих глаз. Смуглое насмешливое лицо гостя обрамляла целая куча чёрных локонов.

Незнакомец осторожно коснулся рукой затылка дона Диего.

– Больно? Ай-яй-яй... – он взял испанца за руку повыше кисти большим и указательным пальцами.

Озадаченный кастилец спросил:

– Вы доктор?

– Да, помимо всего прочего, – неуверенно ответил смуглый незнакомец. – Пульс частый, ровный. Большого вреда вам не причинили. А это что за странные шрамы? Давно они у вас?

Дон Диего отстранился и с трудом сел на диван, обитый красным бархатом.

– Кто вы такой, чёрт побери? – подозрительно спросил он. – И какого дьявола вы залезли в мой костюм и на мой корабль?

На трёх губах незнакомца мелькнула лёгкая усмешка:

– Боюсь, что вы всё ещё бредите. Это не ваш корабль, а мой. И костюм этот также принадлежит мне.

– Ваш корабль? – ошеломлённо переспросил испанец, диким взглядом окидывая каюту. – Может быть, я сошёл с ума?

– В тропическом климате, под контрафактный ром да при постоянной качке – это запросто!

– Но ведь этот корабль наверняка мой «Синко Льягас»?

– Ну хоть это вы помните...

– Тогда?..

– В смысле?

– Господи, помилуй! – взмолился испанец, как человек, испытывающий сильную душевную муку. – Может быть, вы скажете мне, что и дон Диего де Эспиноса – это тоже вы?!

– О нет! Моё имя Блад, капитан Питер Блад. Ваш корабль, так же как и этот изящный костюм, принадлежат мне на правах военных трофеев. А дон Диего – это вы, бывший судовладелец, а ныне мой пленник.

Как ни странно, это объяснение всё же вполне успокоило испанского гранда, который явно начал сомневаться в целостности собственного рассудка. После удара по башке и не такое бывает.

– Но... Значит, тогда вы не испанец?

– Вы льстите моему произношению. Я имею честь быть ирландцем. Вы, очевидно, хотите понять, как мне удалось захватить ваше судно? Охотно похваюсь...

Слушая его весёлый рассказ, испанский капитан попеременно то бледнел, то краснел, то икал. Дотронувшись до затылка, дон Диего нащупал там солидную шишку величиной с гусиное яйцо, полностью подтверждавшую слова Блада.

– А где мой сын? Он был со мной, когда я прибыл на корабль.

– Разумеется, он тоже здесь. Сидит себе вместе с гребцами и вашими канонирами в уютном трюме. Надеюсь, они его не выпили.

Дон Диего закусил нижнюю губу, но, обладая твёрдым характером, присущим человеку отчаянной профессии, быстро взял себя в руки. На сей раз кости упали не в его пользу. Со спокойствием фаталиста он хладнокровно спросил:

– Ну и что же дальше, господин ирландец?

– А дальше, – ответил капитан Блад (если принять то звание, которое он сам себе присвоил), – как человеку гуманному мне искренне жаль, что вы не умерли. Ибо это означает для вас роковую необходимость умереть снова.

– Да неужели? – дон Диего вздохнул и внешне невозмутимо уточнил: – Вы ведь не вампир?

– Клянусь честью, ещё нет.

– А почему?

– Не знаю, не задумывался. Хотя и понимаю, что в Новом Свете это даже модно.

– Тогда почему вы непременно хотите меня убить? Если ради еды, я бы понял, а так...

Бладу понравилось самообладание испанца.

– Задайте этот вопрос себе, – предложил он, – как опытный и кровожадный пират скажите, что бы вы сделали на моём месте?

– О-о, многое! Но ведь я и не называю себя гуманным человеком.

Капитан Блад пристроился на краю большого дубового стола.

– Я тоже не дурак, и моя ирландская сентиментальность не помешает мне сделать то, что необходимо. Оставлять на корабле вас и десяток оставшихся в живых мерзавцев слишком опасно. Увы, мы должны отказать себе в удовольствии наслаждаться вашим обществом и, подготовив наши нежные сердца к неизбежному, любезно пригласить вас перешагнуть через борт. Бултых?

– Да, да, я вас понимаю, – задумчиво покивал испанец, не теряя напускной изысканности и внешнего спокойствия, – должен признать, что ваши слова довольно убедительны.

– Вы снимаете с меня большую тяжесть, – слегка поклонился Питер Блад, – мне не хотелось бы быть чрезмерно грубым, тем более что я и мои друзья обязаны вам свободой. Просто приятно убедиться в вашем согласии с тем, что у нас нет иного выбора.

– Но позвольте, мой друг, почему нет выбора?

– У вас есть иное предложение? Право, я заинтригован...

Дон Диего подёргал себя за чёрную бородку клинышком.

– Можно мне подумать до утра? Право, сейчас у меня так болит голова, что я совсем не способен что-либо соображать.

Капитан Блад поднялся, снял с полки песочные часы, рассчитанные на тридцать минут, и повернул их, чтобы колбочка с рыжим песком оказалась наверху.

– Сожалею, дорогой дон Диего, что вынужден торопить вас, – он указал на песочные часы, – но если через полчаса мы не придём к приемлемому для меня

решению, то, укуси меня вампир, я выброшу к рыбам вас и вашу команду.

Вежливо поклонившись, Питер Блад вышел и закрыл за собой дверь на ключ.

Положив подбородок на стол, дон Диего наблюдал, как ржавый песок сыплется вниз. По мере того как шло время, его лицо всё более мрачнело.

А едва лишь последние песчинки упали на дно, дверь вновь распахнулась. Это было эффектно, но Блад всегда любил театральщину.

Испанец вздохнул и сразу же пошёл с козырей:

– Есть план, но осуществление его зависит от вашей доброты. Не можете ли вы просто высадить нас на один из островов этого неприятного архипелага, а там мы уж как-нибудь сами? Нет? Что ж, давайте не будем больше говорить об этом.

Синие глаза пристально глядели на испанца:

– Вы не боитесь умереть, дон Диего?

– Ваш вопрос оскорбителен, сэр!

– Тогда спрошу по-иному: хотите ли вы остаться в живых?

– Я хочу жить, а ещё больше хочу, чтобы жил мой сын. Но как бы ни было сильно моё желание, я не стану игрушкой в ваших руках, господин ирландский насмешник!

Капитан Блад ответил не сразу.

– А не хотели бы вы, сэр, заслужить жизнь и свободу себе, вашему сыну и остальным членам вашего экипажа, находящимся на борту?

– Заслужить? – неуверенно переспросил дон Диего. – Да почему же нет, если служба, которую вы предложите, не будет связана с бесчестием как для меня лично, так и для моей страны.

– Как вы можете подозревать меня в этом? – страстно вспыхнул капитан Блад. – Своя честь имеется даже у пиратов. Посмотрите в окно, дон Диего, и вы увидите на горизонте Барбадос, хоть мы и стремились как можно дальше отойти от этого проклятого острова. Единственный, кто знает кораблевождение, лежит в лихорадочном бреду, а без шкипера мы не можем вести судно. Я умею управлять кораблём в бою, и в случае нападения вампиров на борту есть ещё два-три человека, которые помогут мне. Но мы хотим лишь кратчайшим путём добраться до голландской колонии Кюрасао. Даёте слово, что приведёте нас туда?

Дон Диего в раздумье подошёл к окнам, выходящим на корму. Он всматривался в залитое солнцем море и в пенящуюся кильватерную струю[23 - Кильватерная струя – романтичный белый пенный след, остающийся позади идущего судна. Его так любят поэты, Киплинг например.] корабля. Ещё вчера это был его собственный корабль. Грязные английские псы захватили его и хотят привести в порт, где он будет навеки потерян для Испании, а быть может, даже использован для военных операций против неё. Запросто!

Эти соображения лежали на одной чаше весов, а на другой были жизни шестнадцати человек. В целом они ничего не значили, но... одна жизнь принадлежала его единственному сыну.

Став спиной к свету так, чтобы капитан не мог видеть, как побледнело его лицо, испанец произнёс:

– В задницу всё. Я согласен!

Глава 11

Сыновняя папопочитаемость

В общем, дон Диего де Эспиноса дал честное кастильское слово привести корабль в Кюрасао, взяв на себя обязанности штурмана. На корабле все относились с уважением к вежливому и изысканно учтивому испанскому гранду. Дону Диего позволили разместиться в большой каюте вместе с Бладом и тремя его офицерами: Хагторпом, Волверстоном и Дайком – и даже спать там же,

расстелив скатерть на полу.

Смуглый испанец оказался приятным и интересным собеседником, с юмором переносившим постигшие его превратности военной судьбы. К примеру, дон Диего сразу же обсмеял ошибку Блада: отойдя от Барбадоса, они пошли по ветру, в то время как, направляясь в Карибское море, должны были оставить остров с подветренной стороны, то есть пилить против ветра, что куда смешнее!

А перед тем как лечь на этот новый курс, он так же весело предупредил всех, что подобный манёвр связан с изрядным риском! В любой точке между островами они могли встретиться с таким же или более мощным кораблём, испанским или английским, без разницы.

Им в любом случае грозила одинаковая опасность, поскольку при острой нехватке людей на «Синко Льягас» они никак не могли дать ответный бой, тем паче удрать, ибо как же ты удержёшь-то против ветра? Разве это не смешно, господа?

Кстати, если бы речь шла только об испанцах или британцах, то жизни по крайней мере половины экипажа корабля ничего бы не угрожало, а вот встреча с жуткими пиратами или вампирами Карибского бассейна, выходящими в море под чёрным флагом и не признающими никаких различий в гражданстве добычи и человеческой крови, была куда более чревата неприятными последствиями. Тут вообще обхохочешься...

Меж тем дон Диего повёл корабль на юг, а затем повернул на запад. Они счастливо прошмыгнули между островами Тобаго и Гренада и, миновав опасную зону, выбрались в относительно спокойные воды.

– Если ветер не переменится, – дон Диего важно поднял вверх обслюнявленный палец, – уже через три дня мы будем отмечать прибытие в Кюрасао.

Ветер держался все три дня, а на второй день даже несколько посвежел, и всё же, когда наступила третья ночь, никаких признаков суши впереди не было. Рассекая могучей грудью волны, «Синко Льягас» шёл быстрым ходом, но, кроме синего моря и голубого неба, беглецам ничего не светило.

Блад начинал задумываться о том, как вообще он собирался преодолеть такое расстояние на шлюпке с гребцами? Клистир им всем для скорости...

– Всё будет завтра утром, – невозмутимо убеждал смешливый испанец, – мы ещё повеселимся!

– Укуси меня вампир, это «завтра» почему-то никогда не наступает, друг мой!

– Не беспокойтесь, как бы рано вы ни встали, вы будете плясать английскую джигу при виде голландского берега! С него всегда несёт такими ароматными дымками...

Успокоенный капитан Блад отправился навестить Джереми Питта, за которого сейчас шкиперствовал весельчак дон Диего. Уже второй день как у Питта пошёл на спад жар и раны на спине начали понемногу зарубцовываться. Он чувствовал себя настолько лучше, что доктор даже разрешил больному выползти подышать свежим воздухом; потому с наступлением сумерек, висая на плече капитана Блада, бедолага впервые вышел на палубу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Бакалавр – учёная степень в старинных институтах и университетах. Даже у нас кое-где ещё встречаются смешные выпускники в лиловых балахонах и чепчике с плоским квадратом на учёной голове.

2

Гораций – римский поэт I века до н. э. Любим многими до сих пор, и есть за что!

3

Виги – политическая партия в Англии (XVII–XIX вв.), родоначальница английской либеральной партии. Вечный противник партии тори. На карикатурах вигов изображали ослами, а тори – слонами. Видимо, за дело.

4

Камлот – благородное сукно из шерсти самого неблагородного верблюда.

5

Лаймский залив – место высадки зубастого Монмута.

6

По британским законам, лорда (пэра) могут судить только те же лица – лорды (пэры) верхней палаты английского парламента. Ну, примерно, как у нас бы депутата Государственной думы судили исключительно сами думцы. Результат вы себе представляете...

7

Тори – политическая партия из о-очень крупных представителей земельной аристократии и высшего духовенства. В общем-то, понятно, почему «слоны».

8

Имеется в виду юго-западная часть Англии, за каким-то хреном поддерживавшая восстание.

9

Стандартная формула английского судопроизводства. Типа ничего личного.

10

Дерево из семейства бобовых, встречается в Центральной и Южной Америке. Экстракт из его древесины применяется как в медицинских целях, так и для окрашивания тканей. Кстати, и ещё много для чего. Гугл вам в помощь...

11

Кабельтов – морская мера длины, равная 185,2 метра, почти два километра в сухопутном измерении.

12

Генри Морган – знаменитый английский корсар, предавший своих, целовавший ручку королеве и получивший титул вице-губернатора Ямайки (XVII в.).

13

Грот – самый нижний парус на второй от носа мачте парусного судна.

14

Бейдевинд – курс парусного судна относительно ветра. Далее – скучные морские уточнения...

15

Гакаборт – верх кормовой части парусного судна. Может, и не парусного тоже, не знаю.

16

Полубак, или бак, – не ёмкость, а носовая часть верхней палубы.

17

Шкафут – а вот это уже средняя часть палубы судна. Не перепутайте!

18

Плюмаж – мужское и женское украшение из страусиных или павлиньих перьев.
Унисекс.

19

Нок-рея – оконечность поперечины мачты. Если на ней кого-нибудь повесить, то видно будет издалека.

20

Планшир – брус, проходящий поверх фальшборта судна. Не пытайтесь понять, прочтите и забудьте.

21

Ванты – верёвки или пеньковые тросы, предназначенные для бокового крепления мачт.

22

Фальшборт – лёгкая обшивка борта выше верхней палубы. Фальшивый борт по-нашему.

23

Кильватерная струя – романтичный белый пенный след, остающийся позади идущего судна. Его так любят поэты, Киплинг например.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/andrey-belyanin/vampireya-kapitana-blada>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)